

ИГОРЬ
КИСЕЛЕВ

НОЧНЫЕ
РЕКИ

тел. 7-31-45

Книга должна быть возвращена не позже
указанного здесь срока

19.05-20.05				

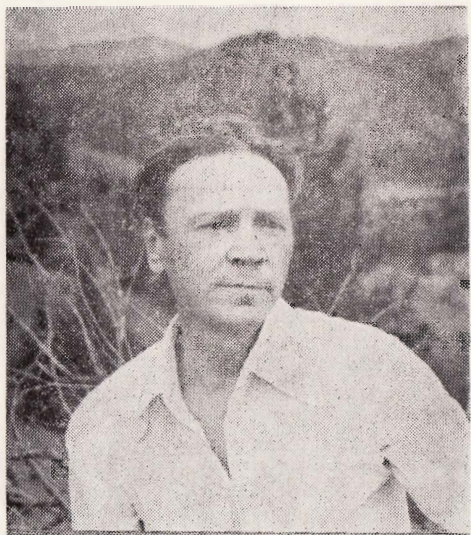
КемПК, 1977 г. Заказ № 6704

См.

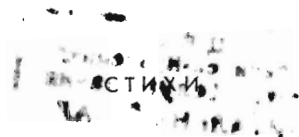
U. K. Kline

P2
K44

ИГОРЬ КИСЕЛЕВ

НОЧНЫЕ
РЕКИ

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЕМЕРОВО 1980

P₂

K44

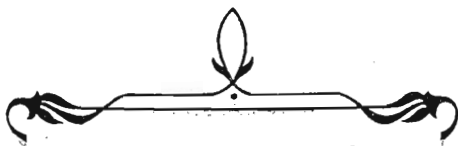
Художник В. Кравчук.
Ц Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
А. О. Н. Т. Н. Т.

- 1122
~~**Ц Б С**
г. Ленинск-Кузнецкий
Отдел обслуживания
Читальный зал~~

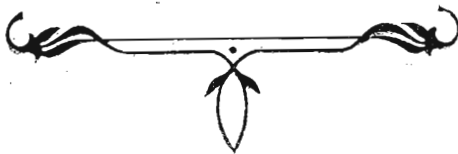
К $\frac{70402-12}{M145(03)-80}$ 23-80-4702010200

© Кемеровское книжное издательство, 1980

МБУХ «ЦБС им. Н.К.Крупской»
Центральная городская
библиотека

БЛАГОДАРО,
ЗЕМЛЯ,
БЛАГОДАРО

БЫТЬ В ОТВЕТЕ

Леса обезлисили, леса обезлосели

В. Хлебников

Я, пожалуй, не сделаю этим открытия,

Утверждая, что наша земля —

Общежитие

И ее населяют,

Согласно законам,

Люди, звери,

Леса с их сияньем зеленым.

Крепнет сила людская,

Растет год от года.

Что ни день, умножается знаний запас.

И не мы теперь милостей ждем от природы,

А давно уже ждет их природа от нас.

А у нас...

Браконьера рука хулиганья
Протянулась к таежной поляне, к реке.
И могучие лоси, качая рогами,
Подгибают колени в предсмертной тоске.

Человек,
Богатырскою силой играючи,
Должен помнить про тихие жалобы заячьи
И притом,
Своему зная цену величью,
Быть в ответе
За каждую песенку птичью!

МОЛИТВА ЛАНИ

*Из цикла «Стихи, написанные
в Алма-Атинском зоопарке».*

Отпусти меня, человек!
Отведи меня в лес, к поляне,
Где, в тумане купаясь, лани
Долго пьют из прозрачных рек.

Не разглядывай. Отвернись.
Любоваться страданием стыдно.
Видишь, глаз мой миндалевидный
От смущения смотрит вниз.

К прутьям с трепетом подхожу.
Как прекрасен он, твой детеныш!
В глубине его глаз утонешь.
Видишь, руки ему лижу.

Улыбается он, гляди!
Дети добры — и ланям видно.
Ты его сюда не води —
Любоваться страданием стыдно.

Ночью дождь прошел, и вода
Убежала, журча, по стокам...
Не учи его быть жестоким.
Перестань приводить сюда.

Отпусти меня в лес!
В плеск
Клейких листьев,
В пыланье лета.
Ты ведь сам — из травы, из леса.
Отпусти меня в лес...
В лес!

Мой детеныш совсем ручной,
Твои жесткие руки лижет.
Без меня он не сможет выжить,
Отпусти его в лес со мной!

В камень сбитому «пяточку»,
Корму сытному в клетке серой

Волчьи челюсти предпочту.
Дуло мертвое браконьера
Предпочту.
Из-за струн стальных
Мы ведь тоже все понимаем,
Ваши лица запоминаем,
Боль и гнев прозреваем в них.

Отпусти меня в лес!
В кольцо
Быстрых рек, где трава и птицы!
Посмотри: на твое лицо
Тень от клетки моей ложится!..

* * *

Благодарю, земля, благодарю
За то, что видел озеро, зарю,
За все вокруг, что знаю, слышу, вижу.
И эти дали светлые твои,
Пока мне хватит крови и любви,
Ни словом, ни поступком не обижу.

Люблю следить в рассветные часы,
Как на траве колеблются росы
Невыносимо синие подвески.
И не могу постигнуть, почему
Мы, взрослые, в родном своем дому
И думаем, и действуем
По-детски.

И хищных сов бесшумные следы,
И волчья прыть — безвредны для среды.
Все дружат с ней — медведь, и рысь, и чибис...

Когда же мы отучимся, земля,
Твои как будто умные друзья,
Брать больше, чем давать мы научились?

Июньским снегом легоньким пыля,
Стояли на проспекте тополя,
Наполненные птицами и снами.
Теперь их нет.

Пошли на дым и хлам
Друзья, так долго преданные нам
И так поспешно преданные нами...

Земля, ты знаешь, по указке чьей
Сползает в реку аспидный ручей.
Ничтожен вес обманчивых речей.
Обидны наши вины и досадны.
И все равно: весною здесь и там,
У зимних вьюг свистящих по пятам,
Идут по нашим дымным городам
Твои великодушные десанты!

Благодарю, земля, благодарю
За нежность к февралю и сентябрю,
За все твои прекрасные подарки.
За то, что ты нас делаешь добрей,

Богаче, бескорыстнее, щедрей,
И повидать живых твоих зверей
Успели мы не только в зоопарке.

За облака, за синий свет реки,
За жалости окрепшие ростки,
За то, что ты нас лечишь от тоски.
Ты лечишь нас — а мы тебя калечим.
У вековой традиции в плену,
Мы до сих пор ведем с тобой войну,
Тесним тебя в длину и в глубину,
И это ты не ставишь нам в вину,
Хотя тебе обороняться нечем.

За жизнь, земля, тебя благодарю,
Благодаря — раскаяньем горю.
Признания бессвязны и внезапны.
Не все еще потеряно, когда
Усталым шагом входят в города
Твои нерукотворные десанты.

Сегодня силы нам не занимать.
Привыкнув побеждать и наступать,
Мы реки поворачиваем вспять,
В руках у нас леса, моря и горы.

Возникнув на погибельном краю,
Не в силах скрыть беспомощность свою,
Приходят лоси к нашему жилью —
Голодные твои парламентареры.

Простите нас, деревья и трава!
Мы забываем, повзрослев едва,
Что общим корнем связаны слова:
Народ, и благородство, и природа.
Прости, земля!
Пьянея от побед,
Мы мало ценим твой высокий свет.
Без нас жила ты миллионы лет —
Мы без тебя не проживем и года.

Мне кажется, жалеют нас леса.
И небеса.
И — вроде бы — вплелся
В напевы ветра, в птичьи голоса
Чуть слышный привкус боли непонятной...
А что, если однажды навсегда
Покинут птицы наши города,
И никогда не прилетят обратно!?
Легко порвав в бестрепетном зените
Твои, земля, связующие нити!

Нет!

Верю: и в трехтысячном году,
Держа любовь и нежность в поводу,
Качая в листьях птичью чехарду,
Не инвалиды и не арестанты,
По городам, с людьми в одном ряду,
От них украдкой отводя беду,
Пройдут твои зеленые десанты.

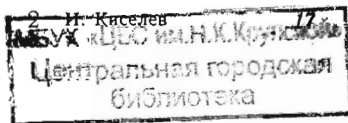
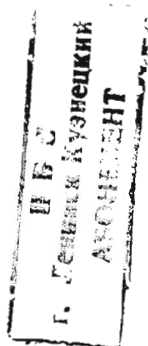
* * *

А все же есть на свете
Среди иных чудес
Обыкновенный ветер,
Обыкновенный лес.

Зимою долгой, синей
Ты ищешь круглых линий
Средь зданий городских —
И не находишь их.

Бредут в метель устало,
Сводя тебя с ума,
Квадратные кварталы,
Квадратные дома.

Тебе осточертели —
Такая полоса —
И радио-, и теле-,
И киночудеса.

И хочется простого:
Сиянья и простора,
Предутренней звезды,
Колодезной воды.

Простора сердце просит.
Простора...
Но увы:
Все круче нас уносит
От почвы и травы.

И зов земли все глуше
На бешеном шоссе,
Где мчатся наши души,
Как белки в колесе.

Но вот порой весенней,
Под ветра колдовство,
Придет к нам как спасенье
Сознание того,
Что есть еще на свете
Среди иных чудес
Обыкновенный ветер,
Обыкновенный лес.

* * *

Я и сегодня холодею,
В калитку памяти стучась.
Был дождь из тех, что льют неделю,
Не затихая ни на час.

Ручьев негромкому наречью,
Картавя, вторила листва,
И улица текла навстречу,
Колебля зданий острова.

Она плыла как субмарина,
Дробились в лужах фонари.
Она мне что-то говорила,
А что — попробуй разбери.

Трещали рядышком сырые
Зеленоватые плащи,
Слегка похожие на крылья
В дожде снующей саранчи.

Кому кругом какое дело,
Что я устал, что дождь и грязь?
И сквозь меня толпа глядела,
И обтекая, и дробясь.

И отчуждением этим ранен,
В густой толпе, где лиц не счесть,
Я плыл, как инопланетянин
Среди неведомых существ.

Не дай вам бог бродить бездомным
На целом свете одному
В таком вот городе огромном,
В такую непогоду и тьму!

И я, устав ходить по кругу
В холодной сырости ночной,
К большому дереву, как к другу,
Прижался мокрою спиной.

Оно со мной шепталось сонным
И не давало мне упасть,
Своим спокойствием зеленым
Со мной доверчиво делясь.

И в начинавшейся простуде
Все явственней казалось мне:
Шептало дерево, что люди
Не одиноки на земле.

Шептало, что земля прекрасна,
Что лес — не цех и не музей,
И что уходим мы напрасно
Все дальше от своих друзей.

Когда же дождь, застрявший в кроне,
Перед рассветом брызнул ниц —
Оно из кроны, как с ладони,
Веселых выпустило птиц.

Они взлетели с нежным громом,
И ночь растаяла как дым,
И город мне казался домом,
Давно и прочно обжитым!

В ЛЕСУ

Как дышится в лесу!
Как льдинки горлом льются!
Как будто пьешь росу
Из блещущего блюда.

Слеза или хрусталь,
Следы насквозь промокли.
И даль в слезах,
И даль
Сквозь слезы — как в бинокле.

Как слышится в лесу!
Заполнив чашу с верхом,
Мчит эхо на весу
По веткам, как по вехам.

Далекий скрип сосны
Доносится с опушки,

И жалобы кукушки
Прозрачны и ясны.

Как пишется в лесу!
Лес, приглушив гуденье,
С листа прогнав осу,
Дарует вдохновенье.

А луч позолотил —
И в просеках мелькнули
Обрывки паутин
Из хроники июля.

Как верится в лесу
В загаданное счастье!
Уйти в седьмом часу,
Оглядываясь часто.

Жаль, тени по лицу —
Некрепкая завеса...
Как хочется в лесу
Не уходить из леса!

* * *

Не знаю, к несчастью ли, к счастью,
В предчувствии ль близкой беды
Я стал ощущать себя частью
Деревьев, и звезд, и воды.

И вот что случилось однажды:
Под солнцем, в июльской пыли,
Внезапно я вздрогнул от жажды,
Почувствовав жажду земли.

Я сбился с ослепших тропинок,
Бессильной тоской исходя,
И тысячью хрупких травинок
Я ждал, задыхаясь, дождя.

Подумав: должно быть, я болен,
Упал от дорог вдалеке.

Но был я и лесом, и полем,
И птицей, летящей к реке.

Я знал, что не лес и не птица —
Не в силах поднять головы, —
Не птица, а только частица
И леса, и птиц, и травы.

Какое короткое лето
Бежит, спотыкаясь, к пруду!
...Когда-то я вышел из леса,
Когда-нибудь в лес я уйду.

ЛЕСОК

От пристани наискосок,
Светясь в тумане слабо,
Стоял березовый лесок
Районного масштаба.

Деля владения свои
На строгие границы,
В нем жили осы, муравьи,
Стрекозы и синицы.

Еще в нем жил, неясно где,
Не то в задумчивой воде,
Не то в долинке узкой,
Дух сказочности русской.

И даже будто бы в лесу,
Такие ходят толки,
Видали девицу-красу
Верхом на сером волке.

Он в гости звал меня, лесок, —
Мол, славная погода! —
И носом тыкалась в песок
Доверчивая лодка.

Меня в кругу своей семьи
Встречали у дороги
Синицы, осы, муравьи,
Стрекозы и сороки.

...И вот я снова у реки
С ее беспечной речью.
А леса нет.
Одни пеньки
Пришли на эту встречу.

Я видел разные леса,
Устав от встреч дорожных.
Мне дым костров щипал глаза
У темных рек таежных.

Березка в легоньком пальто
Махала мне рукою.
Но это было все не то!
Не то и не такое!

Пройду по тысяче дорог,
От поисков осунусь,
И все мне будет невдомек,
Что потерял я не лесок —
Что потерял и не сберег
Я собственную юность.

ДЯТЕЛ

Владимиру Мазаеву

Ветки длинные дрожали,
Мох пружинил под ногой.
Долго шли мы, горожане,
Заповедною тайгой.

Не охотники — бродяги,
А тайга черным-черна,
И двустволка — для отваги —
На троих у нас одна.

Все слышнее гомон птичий,
В кроны косо бьет заря.
Не добыли мы добычи,
Откровенно говоря.

Мне шипит приятель слева:
— Я сдержать не в силах гнева!

Ты мазила, молвить к слову,
Не попал бы и в корову!

— Разве ты охотник, право! —
Говорит приятель справа. —
Садишь пули, бога нет,
Как в копейку, в белый свет!

Не стерпел я эту пытку.
— Ну, держитесь, остряки!
Шаг вперед, ружье навскидку,
Синий гром слетел с руки.

Дернул черт меня хвалиться!
Не во сне, а наяву
Дятел, праведная птица,
С ветки падает в траву.

И товарищ, стоя рядом
В мигом стихнувших кустах,
Посмотрел недобрым взглядом,
Хмуро выдохнул:
— Мастак...

Словно вздох, в тиши закатной
Проплыла по соснам дрожь.
Я и рад бы, да обратно
Пулю в дуло не вернешь.

Я убийца и предатель.
И, должно быть, потому
Ты мне снишься, пестрый дятел,
Камнем канувший во тьму.

В лес входил я без испуга,
И до выстрела того
Он встречал меня как друга
Дорогого своего.

Расстилал поляны ягод,
Ставил чаши родников,
Подводил — бери хоть на год —
К тихим стойбицам грибов.

А с тех пор — скажи на милость! —
Тяжкий груз в душе несу,
Будто что-то изменилось
В этом сумрачном лесу.

И когда травую росной
Пробираюсь наугад,
Неприветливо и грозно
Сосны старые шумят.

На рассвете, на закате ль,
Иль в полдневной синеве —
Все я вижу:
Бьется дятел
На испуганной траве.

И в лесном суровом гуле
Слышу, сдерживая дрожь:
— Если вылетела пуля,
Пулю в дуло не вернешь...

* * *

За стеклянным дождем, за холмом, за лесками
Окружу себя книгами и облаками.

Будет легок мой дом, ненадежен, непрочен,
Словно вексель, который давно уж просрочен.

За зеленым окном с потемневшего неба
Промелькнет карусель прошлогоднего снега.

Все смешалось вокруг второпях, ненароком —
То, что было достоинством, стало пороком.

Наступаешь на камень, а это не камень:
Голубеют круги, расходясь под ногами.

Ухватился за ветку, а это не ветка —
Призрак, зыбкий фантом, дуновение ветра.

**И вчерашнее утро, светясь от азарта,
Улетело с веселою песенкой в завтра.**

**И, что горше всего и больнее тревожит,
Оказалось, что завтрашний день уже прожит...**

ВОЗРАСТ

Все меньше мы верим в приметы,
Постигнув с течением лет,
Что бога действительно нету,
А черта тем более нет.

И все же на летней опушке —
Пускай это очень смешно —
Боимся спросить у кукушки,
Как долго нам жить суждено.

РАЗГОВОР С КРАСНЫМ ЛЕТОМ

Неистовым солнцем прогрето,
Сияньем и звоном полно...

— Как звать тебя?

— Красное лето.

— А чем же ты, лето, красно?

— Клубникой.

Смородиной красной.

Веселой речною водой.

Да первой страдаю прекрасной,
Большой сенокосной страдой.

В туманном дыхании луга

Шмеля золотая труба.

А разве не честь, не заслуга

Гнать в колос тугие хлеба?

Не жаль, что до юной отавы

Мои присмирели луга:

Упали высокие травы —

Высокие встали стога.

Сегодня здесь шумно и тесно.
И силу берут из земли
И эта травинка,
И песня,
Возникшая где-то вдали.

Работа кипит от рассвета
До поздней июльской звезды...
— А чем же ты, Красное лето,
Заплатишь за эти труды?

— Не бархат, не звонкое золото
В накопленной к сроку казне,
Но будет высокой оплата,
Сойдемся на красной цене.

День краток, и круты дороги,
И настежь стоят закрома.
Пусть осень подводит итоги,
Подводит итоги зима.

Расчет будет полным и точным:
Достатком, надежным и прочным,
Да праздником в каждой семье,
Да свадьбами в каждом селе!

* * *

Мы закружились в долгой карусели,
Любому ситуация близка:
Работа от звонка и до звонка,
И наше заполошное веселье,
И плохо объяснимая тоска.

От круговерти бешеной, моторной,
От шумной озабоченной толпы
Нас тянет к сонной тишине озерной,
К безлюдью позаброшенной тропы.

Мы любим и туманы, и протоки,
И гомон птиц, и влажный блеск весла.
Но некогда. Но поджигают сроки, —
Мол, подождем, доделаем дела...

И, к зову леса становясь все глуше,
Мы редко слышим — странная напасть —
Как потихоньку стонут наши души,
Все суше и беззвучней становясь.

И мы тогда, как опытные лисы,
Уходим от превратностей судьбы
И очень часто ищем компромиссы,
А лучше бы искать в лесу грибы!

Кого влечет успех, кого — монеты,
И важных дел немало на Руси.
И вот мы ловим нужные моменты.
А в озере такие караси!

И в сложностях — ранимые натуры! —
Бывает и такая полоса:
Мы впопыхах уходим в авантюры,
А надо чаще уходить в леса.

Не призываю к праздному безделью —
Работа гонит в наших жилах кровь.
Но вдруг — с дождем, и солнцем, и метелью —
Она придет, как позднее похмелье,
Замученная в суете любовь!

А мы, смеясь, уходим в города
И навсегда прощаемся с лесами.
Они зовут нас ветками, цветами,
Невнятными ночными голосами,
И в этом всем нуждаемся мы сами,
Но понимаем это не всегда.

* * *

Потянуло холодом и хворью
От полей, от пасмурной реки.
Снова к морю, к солнечному морю
Дружных птиц уходят косяки.

Вот журавль, смешной и голенастый,
А ведь разбирается глупыш:
Дни сожмутся, ночи удлинятся,
Снег обрушит голубую тишь.

Он летит. Его не остановишь
Ни одним из всех земных сокровищ.
Помешать эскадре быстrokрылой
Можно только пулей, только силой.

Но с такой же тягой и любовью,
Всем штормам и бурям вопреки,
Он вернется к бедному гнездовью
На излучке северной реки.

Что же вслед я крикну журавлю?
Я ведь очень родину люблю.
И на этой лучшей из планет
Для меня другого места нет.

— Слышишь, птица!
С бархатного юга
В край, где вьюг сжимается кольцо,
Ты крылом черкни мне в час досуга
Пахнущее солнцем письмецо!

* * *

Бродить по мху в брусничной сказке,
И на пугливого зверька
Смотреть доверчиво, по-братски,
И небо пить из родника,
Когда в нем тонут облака
И звезды —
Робкие подсказки
О том, что ночь уже близка.

Пробраться тою же тропой,
Где бродят лоси к водопою;
Оглохнуть от лесных вестей,
И думать просто, без затей,
Что ты не обойден судьбою...
И вдруг
С тревогою слепою
Мгновенно пожалеть детей.

ЛОСЬ

По путаному проселку,
Где корни и вкривь, и вкось,
Как раньше бежал от волка,
Бежал от машины лось.

Бежал, напрягая ноги,
Стремительный, как стрела,
Боялся свернуть с дороги,
Чтоб скорость не подвела.

Бежал, задыхаясь, бредя, —
Не сгинуть бы, не пропасть! —
Уверенная в победе,
«Победа» за ним гналась.

Лось думал, в спасенье веря,
Покинув свои холмы,
Что люди помогут зверю.
...А звери-то были мы.

Куда как страшнее волка,
А с ними встречался лось,
Бестрепетная двустволка
И шелест тугих колес.

Но вот уже город рядом.
Сквозь крики, сквозь гул в ушах
Лось неся с кровавым взглядом,
Не видящим ни на шаг.

Падающая ракета,
Сломанная стрела...
Трусливо вильнув, «Победа»
Исчезла — как не была.

Но рядом взрывались двери,
Но громко из кутерьмы
Летело:
— Ловите зверя!
...А звери-то были мы.

И кто-то скакал и трясся
Всем туловом — оттого,
Что скачет полтонны мяса
Бесплатного. Ничьего.

У школы, вбежав в ограду,
Остановился лось:
С ногами не стало сладу
И небо оборвалось.

Он медленно падал наземь,
Он думал: сейчас умру...
И холодеющим глазом
Окидывал детвору.

А дети всюду ревели,
Им долго реветь теперь,
Единственные незвери,
К которым рванулся зверь.

* * *

Лету еще не пора догорать
В зарослях мяты, смородины, щавеля.
Но по зеленому
 желтая прядь —
Нота прощания.

Счастье, как лодка на легкой волне,
Мимо неслось, ненадолго причалило.
Парус, мелькнувший в седой глубине, —
Нота прощания.

Август — настройщик лесов и полей,
И сорвалась из-под пальцев печальная
Нота рванувшихся в ночь журавлей,
Нота прощания.

На пустыре журавлиная кровь.
Били не целясь,
убили нечаянно...

Больше любовь —
Тяжелее прощание.

Что ж, попросаемся, ветер и свет!
Были друзьями — дошли до отчаянья.
Всё как всегда. Только музыки нет —
Нота прощания.

Лету еще не пора догорать.
Рано в слезах сочинять завещание.
Что ж ты так светишься, желтая прядь,
Парус прощания!..

* * *

Даль в огне.
И долина лесиста.
Бродит ветер, обижен и пьян.
Меж цветных занавесок из ситца
Исчезает холодный туман.

Я-то знаю, о чем занавески
На ветру этом горьком шуршат:
Как подстреленный зверь, в перелеске
Умирает последний закат.

Щедрость осени в ливнях и звездах...
И на все золотые лады
Запевающий пушкинский воздух —
Воздух воли, любви и беды.

* * *

Пролетает ветер, занавески тронув.
Снова беспорядки в государстве кленов.
Снова в государстве легком, птичьем, странном,
День пугает снегом.
Ночь грозит обманом.

Что при всем при этом чувствуют деревья?
По душе ль им быстрых птичьих стай кочевья?
Может, вслед за птицей, чьи глаза туманны,
Тянет и березку вдаль, за океаны?

Дать бы им, деревьям, оторваться с места —
Как они рванутся птицами с насеста!
Как они покинут город мой в тумане,
Золотым отлетом больно душу рая!

Только что деревьям? Рано или поздно
Вдруг подует ветер весело и грозно,

И качнутся почки, набухая силой,
И отчизна птицам снова станет милой.

Я не перестану петь и удивляться —
Снова в тонких ветках стаи поселятся —
Только стану думать, что людской обычай,
К счастью, совершенно не похож на птичий...

* * *

Капли редкие звезд.
Рос холодные слезы.
Это осень внахлест
Охрой кроет березы.
Музыкальная мгла.
Все до боли знакомо,
И сгоревший дотла
Тополь около дома.

Остывает вода.
Морось трогает губы.
Что нам делать, когда
День уходит на убыль?

Но не в этом беда:
Жаться к лету — не глупо ль?
Что нам делать,
Когда
Жизнь уходит на убыль!

Ничего.

Подождем —

Пусть леса наши голы —

До свиданья с дождем

И с травой веселой.

ЛЕС В СЕНТЯБРЕ

Я немало бродил по земле,
Ей любая погода к лицу,
И однажды на ранней заре
Оказался в осеннем лесу.

Глушь была непробудно тиха,
Строй берез убредал в синеву.
Иней шапками белого мха
Закидал под ногами траву.

Что увидел я, утренний гость,
Притаившись у старого пня?
Лес был влажен и светел насквозь
И совсем не боялся меня.

Он листвою в глаза мне рябил
И брусничным румянцем горел.
Он готовил гостинцы рябин
Для веселых своих снегирей.

Все, что летом копил и берег,
Он держал теперь в щедрой горсти,
Чтобы на зиму каждый зверек
Мог бы вдоволь еды запаст.

И довольно пыхтел бурундук,
И барсук хлопотал у норы,
От щедрот, что лежали вокруг,
Собирая запас до поры.

Лес был счастлив, без меры дая,
В нем осины, как флаги, цвели.
Значит, лето шумело не зря,
И дожди незадаром прошли.

Лес молчал, затаил свою речь,
Но молчал он как строгий судья:
Мол, а я себя смог не беречь?
Щедр ли я?
Бескорыстен ли я?

И что сам я другим принесу,
Приближаясь к осенней поре?
Вот что понял я в светлом лесу,
На студеной заре
В сентябре.

* * *

Я пораньше встану,
Чтоб в седьмом часу
Навестить поляну
В призрачном лесу.

Самое простое
В тишине ища:
Горький ветер хвои,
Рдяный плащ хвоща.

Медные иголки —
Словно стрелы вниз.
Толки-перетолки
Любопытных птиц.

Поброжу я снова
У ручья лесного,
Где поет вода
В заберегах льда.

Веточку кленовую,
Вовсе бестолковую,
Разгляжу на дне
В быстрой глубине.

Да сорочью свару
На сыром песке,
Да березок пару
В черном сосняке.

Их, таких
 хорошеньких,
В золотых кокошниках,
Русских королев
Тихо пожалев!

Стая ветров сильных
Встала на порог.
Льющийся осинник
В пламени продрог.

В желтой дымке леса,
Где — ищи-свищи —
Уронило лето
Звонкие ключи.

Исчезая где-то,
Не сумев спастись,
Расписалось лето
Клинописью птиц.

Попрощавшись с летом,
Вкось летят листы.
...И при всем при этом
Рядом
будешь ты!

СУМЕРКИ

Слетает с берез позолота,
И небо прохладой звенит.
Есть в сумерках властное что-то,
Какой-то печальный магнит.

Как будто в синеющей дали
И в облаке темных лесов
Спят вести забытых преданий
И звуки иных голосов.

Быть может, наш пращур далекий,
Закончивший день свой нелегкий,
Пудовые сжав кулаки,
Вот так же сидел у реки.

И думал, что день уже прожит,
Что птиц прекратилась возня,
Что поздно. Что завтра, быть может,
Уже не увидит он дня.

Что глупо так верить соседям,
Что ночь с ее страхом и тьмой
Таится пещерным медведем
Иль пущенной в спину стрелой.

...Мне ночь не грозит чудесами,
Тревожиться мне не резон.
Я мирно проснусь под часами
Под их надоедливый звон.

Но зорь этих тихие жатвы,
Но тени вечерней поры —
Как будто дымы, и пожары,
И древних нашествий костры...

СНЕГ В ЧИТЕ

Апрель был занят суетой,
Расчисткой зимних вех.
В ту ночь над спящею Читой
Кружил огромный снег.

И черное мое окно —
Припомнить я могу —
Как новогоднее панно,
Сияло в том снегу.

Что ж, подойти, и лбом припасть,
И видеть: за окном
Снежинки плавают, держась
На уровне одном.

Им вряд ли весело висеть,
Какая это жизнь:
И до земли не долететь,
И не подняться ввысь.

Давно знакомый переплет —
Торчать в беде такой,
Как этот жертвенный полет
Меж небом и землей.

Кружились хлопья в море тьмы,
Печальные слегка,
Обломки тающей зимы,
Последние войска.

Снег брал озябшую Читу
Под белое крыло.
И я не знаю, почему
Меня всего трясло.

А это ранило меня,
Что выше всех оков
Идет беззвучная резня
Пушистых облаков...

НОЧНЫЕ РЕКИ

Поля во тьме
Нерезки,
Туман, луна ли сверху...
Люблю ночные реки
За их пристрастие к свету!

Стога темнеют — глыбы,
И тишь зовет ко сну.
Невидимые рыбы
Хвостами бьют волну.

Размытый низкий берег,
Хоть глаз коли — ни зги.
Ворчат ручные звери
И лижут сапоги.

Но лишь лучом затронь их —
Прочь, тишина и сонь! —

Кидают на ладонях
Танцующий огонь.

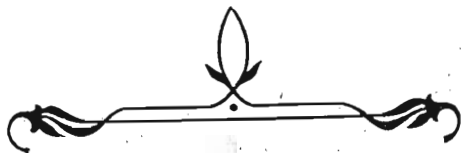
Речонка с камышиной,
Качнувшейся в тени,
Ротаторной машиной
Печатает огни!

И кажется:
С краями
Река полна огней
И тысячи сияний
Колеблясь, тонут в ней.

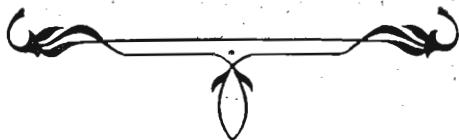
И всё:
костер ли,
бакен,
далекая звезда —
Сплетают в зыбкой влаге
Из света невода.

И мне бы так,
И мне бы
С беспечностью шальной
Ловить ночное небо

Послушною волной,
И слушать шорох ветра
И трав прибрежных речь,
И каждый
Лучик
Света
Без памяти беречь!

НЕ СЕБЕ
ПРИКАДЛЕЖА

* * *

По дорогам
И по бездорожью
Есть граница меж правдой и ложью.
А точнее,
Под левым ребром
Есть граница меж злом и добром.

Здесь полки не встают в штыковую,
Не слышна автоматов пальба.
Но за каждую душу живую
Здесь бесшумная длится борьба.

И граница незримая эта
Выше всех и долгот, и широт.
И стоят на границе
Поэты —
Государственно важный народ.

* * *

Не знаю, под каким родился знаком,
Но вот брожу по тропам и мостам
С невыразимой нежностью к собакам
И жалостью к деревьям и цветам.

Неласковым бывал я и недобрым,
Но никогда не причинял я зла
Ни псу, пусть был он жалок и ободран,
Ни лошади, что тяжкий груз везла.

К березкам, к чуткой коже их притронусь —
Они замрут, молчание храня.
Их беззащитность и неизреченность,
Как долг мой давний, мучают меня.

Притихли скверы, онемев от крика,
И в душу мне стучится этот крик,
Как будто бы за все, что безъязыко,
Подарен мне мой сбивчивый язык.

ПРИЗВАНИЕ

Все из памяти сотру я,
Все наброски разорву.
Упаду я на сырую,
На жестокую траву.

Бедный лютик, тонкий лютик
Покачнется у виска.
— Буду жить, — скажу, — как люди.
До свиданья, грусть-тоска!

Подобру и поздорову
Буду жить. Без драк и драм.
Заведу себе корову,
Чтоб мычала по утрам.

То в рыбалке, то в беседе
Лето скатится легко.
Будут смирные соседи
Пить парное молоко.

Будут спорить о погоде —
На носу, мол, холода, —
И о том, что в огороде
Помидоры хоть куда.

В небе след от самолета,
Солнце брызжет горячо.
Тут я вздрогну, будто кто-то
Властно тронул за плечо.

И в сплошном сиянье резком,
Не нарушив тишины,
Проплывет над перелеском
Звук оборванной струны.

И пойду я вдаль — ну что же! —
Как по лезвию ножа,
Весь — до самой тайной дрожи —
Не себе принадлежа.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Вечер смолк, потемнев постепенно,
Лег на снег подсиненным холстом.
И опять пролетает сирена,
Как внезапно сорвавшийся стон.

Где-то женщина бьется, рыдая,
Чье-то сердце все глуше стучит.
Красный крест, словно знак сострадания,
По морозному городу мчит.

**Что ж, и сам я встречался с врачами,
Только понял я наверняка,
Что врачуют они
 не печали,
Их рукам не подвластна тоска.**

От кручины, от мглы неминуей
Задохнется сияние дня!..

Слава богу, на этот вот случай
Есть иные врачи у меня.

И когда мне становится плохо
От беды, постучавшейся в дом,
Открываю я Пушкина, Блока,
Открываю Есенина том.

И повеет простором и далью,
Безутешной чужою тоской,
И слетит со страниц сострадание,
Прикоснется прохладной рукой.

Только строки любимые вспомнишь —
И поймешь, их дыханьем согрет,
Что поэт — это «скорая помощь»,
Если он настоящий поэт.

Летом,
Осенью,
В полдень и полночь,
В шуме города,
В дальней глуши
Мчи, поэзия, людям на помощь,
Неотложная служба души!

СПОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

По проспектам гул шагал весенний,
Наблюдалось таяние снега.
Вероятно, после размышлений
Мне заметил умный мой коллега

(В нем светилось что-то от мальчишки,
Любопытной книжки был он автор,
И строфу любую в этой книжке
Усложнял колесами метафор.):

— Что-то, брат, ты слишком просто пишешь.
Что-то слишком мелко ты, брат, пашешь.
Неужели пишешь ты — как слышишь?
Неужели пашешь ты — как пляшешь?

И взглянул он, торжества не пряча:
«Вот ведь, мол, как тонко я подметил!
Видно, брат, не можешь ты иначе!»
...Я тогда подумал и ответил:

— Слушай, друг, в твоей хорошей книге
Мне слышны покамест отголоски —
Хлебникова грозные вериги,
Пристальный и мудрый Заболоцкий.

Только ты уж не подумай, будто
Я решил, что это преступление.
Я и сам когда-то и кому-то
Подражал вне всякого сомненья.

А пашу давным-давно я тяжко
И пишу неровно и непросто.
Но чужая яркая рубашка
Не по нраву мне и не по росту.

То, что путь был интересно начат —
Это, в общем, слишком мало значит.
...Захлебнувшись радостью и горем,
Люди просто говорят и плачут.
Вот созреет урожай —
Доспорим!

* * *

Припоминаю. Ворошу
События и даты,
Как будто, падая, скольжу
По плоскости покатоЙ.
Припоминаю.
Ухожу
В былое — как в солдаты.

Хочу из памяти извлечь —
И напрягаю плечи —
Давно растаявшую речь,
Чтоб ветерок забытых встреч
Прошелестел навстречу.

Бежит бумагой карандаш,
Становится тупее.
Никак ему не передашь
Тоски и нетерпенья!

Я говорю себе: спеши!
Недолго жить на свете!
И трижды в глубину души
Забрасываю сети.

Какие зреют песни тут,
Какие дремлют сказки!
Какие рыбы здесь плывут
Неслыханной раскраски!

Ташу я сети — и боюсь,
Что драгоценный этот груз,
Тот, что и жжет, и ранит,
Утратит блеск, и звук, и вкус,
На полдороге свянет
И грудой скомканных медуз
На берегу предстанет.

Он — я уверен в этом —
С дневным не сладит светом.

Приятель спросит:
— Как живем?
— Да так живем.
Себя жуем.

На свет глаза таращим.
Молчим.
Вполголоса поем.
И с рвением настоящим
Из моря сети тащим.

Препятствий всех не перечесть:
Любовь, и ненависть, и лесть...
И все стремятся в душу влезть,
И останову нет им!
А что мы вытащим?
Бог весть.
Не нам судить об этом.

СТИХИ О СЛОВАХ

1

Слова как ласточки сновали,
Неощутимы и легки...
Меня сбивали с ног словами,
Похожими на кулаки.

А я вставал.
И падал снова.
Но, не считая синяков,
Я верил в добрую основу
Всех на земле живущих слов.

2

В чаще слов проламывая след свой,
Не могу отречься от наследства.
Далеко ушел от нас Державин,
Но клинок державный не заржавлен!

Ярлыки чехлами нахлобучив
На летящий по столетьям свет,
Говорят, что старомоден Тютчев,
Что улыбку вызывает Фет.

Гром утих.
И выцвела бумага.
Но томит недоуменье вновь:
Разве может устареть отвага?
Ненависть?
Отчаянье?
Любовь?

Сохнет лес, до времени увянув,
Тонкая ломается трава.
Что-то много развелось иванов,
Кровного не помнящих родства.

Точен их расчет.
Сужденья метки.
Имена известны по стране.
Но и в поэтической разведке
Страшно быть с таким наедине.

В той старинной стари,
Где гудки да свирели,
Умирали цари,
Терема их старели.

А еще до орды,
До коварного хана,
Много сплыло воды,
Много было беды,
Брань в полях не стихала.

Там навеки замолк —
Ливнем стрел доканали —
Славный Игорев полк
На реке на Каяле.

Знает сыч на суку,
Как там звать-величать их...
Только был в том полку
Примечательный ратник.

Болью досыта пьян,
Синь в глазах поседела.

Мимо свистнул аркан,
И стрела не задела.

Вот он в руки берет
Гусли с ликом перунным,
Вот выходит вперед,
Ударяя по струнам.

И вершат волшебство —
Чудный выпал им жребий —
Десять пальцев его,
Десять соколов в небе.

Смолкли колокола.
Тихо как перед боем.
Только страшная мгла
Заклубилась над полем.

Пригорюнился лес,
Совы крылья протерли.
И споткнулся певец,
Слезы дрогнули в горле.

И неведомый свет!
Что в нем: радость ли, грусть ли?
Через тысячу лет
Прозвенят эти гусли.

Ни травинушки нет
Над могилой сырою...
Через тысячу лет
Мать оплачет героя!

Мы отыщем твой след,
Где стрела запевала.
Через тысячу лет
Выходи, запевала!

С прозвучавших страниц
Веет грозным и давним.
— Ну-ка, князь, сторонись!
Не тебя нынче славим.

Не размах твоих плеч,
Не коня удалого —
Славим русскую речь!
Славим русское слово!

4

В значках, бегущих по бумаге,
В дыханье, слышимом едва,
Волшебней всех старинных магий
Кружились надо мной слова.

У каждого — и несть им счёта —
В кругу бессмертной их семьи
Своя судьба, своя забота,
Печаль и хлопоты свои.

Попробуй слово взять в оковы —
Неважно, проза иль стихи, —
Кричит разгневанное слово
И выпирает из строки.

Когда ты след вести устанешь,
На чью-то просеку свернешь, —
Его не купишь, не обманешь,
Не обойдешь, не проведешь.

Не признавая отговорок,
Бескомпромиссно, как в бою,
Покажет слово всем, кто зорок,
Несостоятельность твою.

И станет сумрачно и горько.
Не до улыбок, не до снов...
О, эта каторжная гонка
За словом в лабиринте слов!

Ищи! Начни опять и снова!
И, может быть, в распадах строк
Качнется солнечное СЛОВО —
Чуть приоткрывшийся цветок...

* * *

Что мне делать с никуда не годным,
Певческим, насквозь простывшим горлом?

Запеваю вроде бы в мажоре,
Но звучат невнятицей сплошной
Струны хвори, причитанья кори,
Голоса простуды затяжной.

Чтоб не задыхаться воспаленно,
Не сипеть, впадая в забытье,
Я пойду, сломаю ветку с клена,
Сделаю свистульку из нее.

И свистулька мне заменит горло,
Станет петь послушно и светло.
А за дверью
Снежная погода,
Все леса по шею замело.

Дотемна бураны не стихали.
Но под вечер в комнатном тепле
Две озябших веточки в стакане
Робко примостились на столе.

Что-то нынче сон смежает веки,
Кружит, опрокидывает ниц...
Отосплюсь — и вырежу на ветке
Семь отверстий, семь веселых птиц.

Вот и утро. Сразу, без отсрочки
Подхожу к рабочему столу,
А на ветках

лопнули все почки!
Глупые... Поверили теплу.

Дальше — больше.
В ослепление раннем,
Ни забот не помня, ни родства,
Брызнула безвременным сияньем
Из стакана клейкая листва.

И за жизнью, безрассудно смелой,
Солнечной и трепетной такой,
Я слежу, обманщик неумелый,
С нежностью, восторгом и тоской.

А свистулька?
Подождет, успеем.
Без нее у марта на краю
Эти ветки музыкой и пеньем
Комнату наполнили мою.

Видно, так уж водится от века,
И закон суров и нерушим:
Лучше петь без голоса, как ветка,
Чем прекрасным голосом
Чужим.

* * *

Над белой бумагою снова
Споткнусь, потрясенный, с разбега...
Ведь белая магия слова —
Как магия белого снега!

Бывает: у края пороши,
Где пляшут сияния шатко,
Застынешь, как намертво вросший,
Пугаешься первого шага.

И страшно, тот шаг совершая,
К зиме торопясь на свиданье,
Тишайшее это шуршанье
Сломать, искалечить следами!

Ты болен и лесом, и полем,
Ты снегом и нежностью болен,
Но перед бумагой, бумагой

Ты вновь заболеешь
Отвагой.

Твой путь по бумаге огромен.
Ты вышел. Ты нищ и бездомен.
Что толку в достатке и доме,
Когда ты у всех на ладони!

Ты ищешь созвучья и строки,
Уходишь в певучие книги.
Но строки твои одиноки,
Но книги твои — как вериги.

В конце, на пороге ночлега,
Бессильны пред властью бывшего
И магия белого снега,
И белая магия слова...

* * *

Сказочником, мудрым и веселым,
Я хотел бы стать на этом свете,
Чтобы шли по городам и селам
Сказки. И чтоб в них смеялись дети.

Сказочником, добрым и лукавым,
Мне на свет хотелось бы родиться,
Чтобы шли по облакам и травам
Сказки. И чтоб в них кричали птицы.

Я на мир смотрел бы без опаски
И грустил о юности не слишком,
Если б смог я ласковые сказки
Подарить девчонкам и мальчишкам.

Только у меня своя дорога
Пролегла под солнцем и ненастьем,
И своя печаль, своя тревога,
И унять никто ее не властен.

Жаль немного, что дорогу эту
Мне уже не заменить иною.
...Словно души птиц, летят по свету
Сказки,
Не придуманные мною.

* * *

Я прочного дома не выстроил,
Не вырастил я деревца,
Но то, что я вынес и выстрадал —
Пребудет со мной до конца.

Я знаю: предвиденья мнимые
Однажды обманут меня.
Но будет со мною любимая
До самого грозного дня.

И пусть я ни дома не выстроил,
Ни трав на земле не взрастил —
Лукавую дудочку выстрогал
И песню по свету пустил.

И кто ей в дороге ни встретится,
Угрюм ли он, замкнут ли — пусть:
Грустит, и смеется, и светится,
И я в ней грущу и смеюсь.

Уйду.
Но в той песне останется
Все то, что дышало во мне:
Как дерево к радуге тянется,
Как радугу клонит к земле...

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Все именье пропив, до гвоздя,
До шкатулки с архивом семейным,
Говорил дворянин, уходя:
— Честь имеем!

Без отчизны, надежд и дорог
Офицерство не справилось с мелью,
И последняя пуля в висок:
— Честь имею!

Честь имею?
Но все-таки есть —
Декабристы в петле леденели —
Голубая дворянская честь:
Честь
имели!

То, о чем я сейчас говорю,
Не понять подлецу и лакею.

Пушкин
Бросил царю:
— Честь имею!

А наутро был хмурый восход.
Чувство чести, отчаянья, мести!..
Речка Черная.
Выстрел в живот,
Рикошетом в Россию —
Всю вместе!

А когда в революцию шли
Безлошадные наши евели,
Не имели земли —
Честь имели.

Эту правду легко произнестъ,
Но предать ее мы не посмеем.
Есть иная высокая честь:
Честь
имеем.

...Отвечаю добром на добро.
А по-своему спеть не сумею —
Поломаю перо:
Честь имею.

* * *

Арсению и Андрею Тарковским

Ударит ветер, вдоль столетий вея,
Прошелестит в страницах древних книг.
И, в певчем горле сдерживая крик,
Еще не раз оглянутся орфеи
На медленных прозрачных эвридик.

Ты выбрал путь.
Ты взял кифару в руки.
Ты весь в цветах, и в трепете, и в звуке.
И зеркала волшебного стекло
Тебе навеки душу обожгло.

Пойми, пройдя сквозь годы и сквозь дым:
Не ты владеешь голосом твоим,
Но, встав над сердцем, жизнью и судьбой,
Твой мерный голос властвует тобой!..

Мелькнут века, прозрачны и крылаты.
И, вновь родившись, вновь получишь ты
Всё те же и надежды, и утраты,
И разочарования, и мечты.

И в легкодумной славе бронзовея,
Перезабыв заветы вещих книг,
Еще не раз оглянутся орфеи
На медленных печальных эвридик...

РЕЧЬ

С прозрачною до дна душою
Ко мне струится речь,
Где в малом
Прячется большое,
Как в берегу — беречь,
Где живы правдой, сущей правдой
Кузнец, и воин, и оратай,
Их молот, серп и меч...
Где деревенский дым не горек,
Придворный шут — умен;
Где в слове вдумчивый историк
Отыщет связь времен.
В словах — истории ворота
И предков торжество,
В них и отчаянье народа,
И чаянья его.
...Загадки слов нетленных вызнав,
Я понял наконец,
Что в грозном имени — отчизна —
Приснится мне отец...

* * *

Герману Захарову

Морозной и лунной ночью
Пришел ко мне Федерико.
Цвела на его рубашке
Разорванная гвоздика.

И красные капли эти
Как брызги зари алели.
— Ты знаешь, — сказал мне Лорка, —
Меня расстрелять хотели.

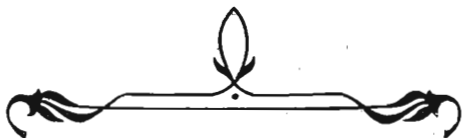
Били в упор, не целясь —
А сумерки были серы —
Холодные карабины,
Черные карабинеры.

Но жив я,
И мне довольно,
Что книги мои воскресли,

**И в Андалузии знойной
Поют мои юные песни.**

**— Как можно выстрелить в песню? —
Спросил меня Федерико.**

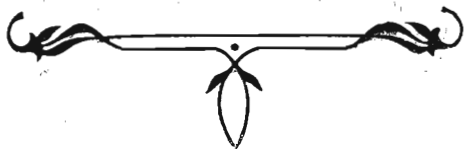
**...Цвела на его рубашке
Расстрелянная гвоздика.**

ΕΣΤΙΝ ΠΡΟΒΚΥΤ

ΤΟΡΕΥΝ

Β ΠΡΕΚΡΑΧΟΜ

* * *

Не знаю, отчего,
На вид обыкновенны,
У дома моего
Просвечивают стены.

Я долго строил дом,
Чтоб, не сломав традиций,
Тем домом, как щитом,
От всех отгородиться.

Как панцирь, как броню
Перед ветрами всеми,
В которой сохраню
Себя от потрясений.

Пророчу или лгу,
Смеюсь, буяню, плачу —

Я нежность и тоску
От глаз чужих упрячу!

Здесь судит мой закон
Неправого и злого.
Здесь не замкнут замком
Трепещущего слова!

И вот я у стола,
Один во всей Вселенной.
Но словно из стекла
Просвечивают стены!

И мир, прорезав тьму,
Ликуя и стеная,
Гремит в моем дому
За четырьмя стенами.

Тревогу затая,
Быль с выдумкой мешая,
Не знаю, где моя
Беда, а где — чужая.

Быть может, оттого,
Светлы и откровенны,
Просвечивают стены
У дома моего...

ДОБРОТА

Как доброта трудолюбива!
У зла и суть, и стать не та.
Мир наподобие прилива
Обкатывает доброта.

Она работает неспешно,
Ломая дедовский уклад.
И огорчается, конечно,
Когда не все идет на лад.

Она тогда в платочек плачет
Наивно, горестно, всерьез.
И, отвернувшись, слезы прячет
И пудрит покрасневший нос.

Но, не успев покончить с болью,
Ни для кого не заперта,
Она опять готова к бою,
Опять в атаке доброта!

Я шел по свету как в тумане,
Не видя рядом никого.
Не обделен ее вниманием,
Я не заслуживал его.

Жил кое-как, легко и плохо.
А доброта была со мной.
Но я еще не слышал вздоха,
Растаявшего за спиной.

Не так-то просто стать умнее,
Себя ломая на бегу.
Я и теперь не все умею,
Я и теперь не все могу.

То опускаюсь,
То подымаюсь,
Из тьмы — на свет,
Опять во тьму.
Я только знаю, что меняюсь;
И понимаю, почему.

А это прямо и упорно —
Таков характер их крутой —
Во мне все ярче светят зерна,
Посеянные добротой.

ПЕСЕНКА
ОБ ОДИНОКОМ ФОНАРЕ

Гаснет ранняя заря
В облачной толпе.
За окном два фонаря
На одном столбе.

Их качает общий ритм,
Кружит общий пляс.
Но один фонарь горит,
А другой погас.

Я накину старый плащ,
Из дому уйдя,
Я услышу тонкий плач
Ветра и дождя.

По лицу скользнут кусты,
Пальцы мокрых рук.

Я шагну из темноты
На фонарный круг.

С фонарем поговорю
Я про дождь и тьму,
Потому что фонарю
Скучно одному.

Пусть в другую ночь к огню
Рвутся мотыльки —
Я ему не изменю
В час его тоски.

Просто кто-то должен быть
Рядом, свет любя.
Стоит ли гореть-светить
Только для себя?

Как дождинка в решето,
Я скачусь во тьму,
Если не шагнет никто
К свету моему.

* * *

Стал уставать от шумных сборищ,
От вечеринок до зари,
Не радость прежнюю, а горечь
С досадой чувствуя внутри.

Душа болит острее и резче,
В ней будто трещины легли.
Все тягостнее стали встречи
С едва знакомыми людьми.

Дежурный лепет о здоровье,
О том, чем занят, как живу,
Вдруг, обозлясь, на полуслове,
Как паутину, оборву.

Но укоризненные взгляды
Напоминают мне о том,
Что вырос я не за оградой,
Не под стеклянным колпаком.

И всем, чем я дышу на свете,
Ликуя, мучаясь, кляня —
Обязан только людям этим,
Живущим около меня.

И не подвержен я сомнению,
Что в них любовь моя и грусть.
А сам тянусь к уединенью,
Сам к одиночеству тянусь.

И мимо огонька соседа
Спеша пройти в который раз,
Как будто в чем его я предал,
Иду, не поднимая глаз...

ЦЫГАНЕ

Удивляюсь все чаще цыганам
И разгадку не в силах пайти
Племенам этим, диким и странным,
Бороздящим земные пути.

За деревней, за сонной деревней,
Где возник их недолгий уют,
Не считают они подарений,
Пьют, и пляшут, и песни поют.

И разбужена полночь пирами,
Колдовским наваждением огней.
А какие замки отпирали!
А каких уводили коней!

За оврагом глухая крапива
Да соломенных молний штыки...
Били тщательно, трудолюбиво,
Насмерть били цыган мужики.

Бабы были куда сердобольней —
Не держали на сердце камней.
Выбирали тропу поокольней,
Надевали платок потемней.

И потом удивлялись в округе:
Мол, откуда взялись у мальчика
Эти брови, крутые, как дуги,
Эти очи — ни в мать, ни в отца?

А цыгане, зевая протяжно,
Лошадей запрягают с утра,
Оставляя на травушке влажной
Тонкий след да золу от костра.

И покуда осенние снега
Над равнинами не заскользят —
Все поют, все скрипят их телеги,
Как скрипели столетья назад.

Удивляюсь их вольному нраву —
Петь, смеяться, любить у костра.
Удивляюсь их горькому праву
Не иметь ни кола, ни двора.

Буйный ветер, дороги их визнав,
Крутит пыль на тернистой тропе.
Все я слышу насмешку и вызов
В их напевах, в их птичьей судьбе.

И глядят они с жалостью, что ли,
На оседлых кровей племена,
Будто волюшка, вольная воля,
Только им до конца суждена.

* * *

Победителей не судят

Люди добрые!
Не обессудьте:
Победителей судят не судьи.

Беспристрастно —
Ни оха, ни вздоха —
Победителей судит эпоха.

Мнутся судьи,
Глазами вращают,
Проявляют гуманность свою.
Только им ничего не прощают —
Победителям в тяжком бою.

И пускай под неистовство зала
Я впечатан спиною в ковер, —
Это надвое бабка сказала,
Чем проклятый закончится спор.

Тот, кто сверху, не ведает, бедный,
Про качельные сдвиги судьбы,
И про то, что любые победы —
Это только начало борьбы.

У меня каменеют лопатки.
У него начались неполадки.

Ты со мною, веселое знамя!
И, стальным изогнувшись мостом,
Опрокину противника, знаю! —
Перед строгим бесстрастным судом.

И запутаюсь я в лабиринте
Мелких дрызг, и забот, и обид.
Мне тогда даже малой слабинки
Этот праведный суд не простит.

Неприметных,
Судьбой обойденных,
Всех, кого так легко одолеть, —
Обождите жалеть побежденных:
Победителей
Стоит жалеть.

* * *

Свет к закату,
День к порогу,
На реке — вечерний дым.
— День прошел, и слава богу, —
Засыпая, говорим.

Говорим, не дав отчета
В ослеплении своем,
Потому что ждем чего-то,
Каждый день чего-то ждем.

Ждем погоды, воскресенья,
Нетерпением полны,
Ждем везенья и веселья,
Лета, осени, весны.

Безрассудно полагаем,
Что конца дороге нет,
Будто мы располагаем
Доброй тысячею лет.

И, старея понемногу,
Все твердим не раз, не два:
— День прошел, и слава богу, —
Эти вечные слова.

Все давно уж по-другому,
Дней все меньше впереди.
Я готов кричать любому:
— погоди! Не уходи!

Но, мерцаньем снов крылатых
Обступившая меня,
Ночь легко сминает в лапах
Хрупкий колокольчик дня.

Я, конечно, понимаю,
Что не десять дней на дню.
Я с души его снимаю —
Словно друга хороню.

Но, предчувствуя дорогу,
Веря в новую зарю,
— День прошел, и слава богу! —
Засыпая, говорю.

ДОРОГА

Бродяжить мне пришлось не так уж много:
Стихи, заботы, разные дела...
Прошу поверить, что моя дорога
Короче, чем хотелось мне, была.

Я в Шории не побывал ни разу,
Не странствовал с друзьями по Кавказу,
Не жег в тайге туристского костра,
Хотя давно уж чувствую: пора!

И все-таки сквозь холодочек сплина
Припомню вдруг в рассветные часы,
Что видел всю страну — от Сахалина
До прибалтийской солнечной косы.

И на базарах сказочных Востока
Стоял, сосредоточенно дыша,
Пытаясь не пролить ни капли сока
Из пышущего жаром беляша.

Но вот какая странность мне знакома:
Везде, куда случалось мне попасть,
Сквозь много лет я до сих пор как дома,
Как будто там свою оставил часть.

И тень моя взобраться снова рада,
Поглядывая с трепетом назад,
По выжженным тропинкам Ханабада
В большой и красный персиковый сад.

А там, где шторм смирил свои порывы,
Где чист песок, не троганный ногой, —
Там тень моя над быстрой тенью рыбы
С тяжелою нависла острогой.

Собор охвачен ветром ураганным,
Тихонько гаснет в старой Риге день.
Там навсегда покорена органом
Моя смятенье прячущая тень.

Уже давно я никуда не езжу,
Не вижу дикой свежести земной.
Но кто бы знал, как я печально брежу
Краями, не увиденными мной!

...Вдруг позабыть об интересной книге,
Смотреть в окно, в сиянье снежной мглы,
И, вспоминая о Москве и Риге,
Пить чай из самаркандской пиалы.

Не думать, что уж сорок за плечами,
И, звон скитаний чувствуя в крови,
Светло решить, что всё еще вначале
И главная дорога впереди.

ГОЛУБЫЕ КОНИ

Тане Естамоновой

Легкий дождь листву тасует,
Пляшет в сквере небольшом.
Девочка коня рисует
Голубым карандашом.

У нее в тетрадке школьной,
Чуя ветер за собой,
Конь летит — горячий, вольный,
Небывало голубой.

Конь разбрасывает ноги
В нарисованной стране
Не по каменной дороге —
По некошенной траве.

Прибежал тот конь, похоже,
Из легенды, из мечты:
На его атласной коже
Встали синие цветы.

Нам художник открывает
«Производственный секрет»:
— Если в яблоках бывает,
Почему в фиалках нет?

...Дождь уйдет — и снова хлынет.
Вот опять в окошко — тук!
Девочка глаза поднимет,
Карандаш скользнет из рук.

Нет, не дали голубые,
Не фиалки-васильки —
Только рев автомобилей
Да трамвайные звонки.

Хмуρο здания теснятся,
Желтым счету нет огням.
— Ты скажи, откуда взяться
Голубым твоим коням?

Грузовик ревет — буксует...
Низко голову клоня,
Снова девочка рисует —
Снова синего —
Коня.

Фары сумрак полосуют,
Корчится в дыму заря.
Так рисует — как бастует,
Ничего не говоря.

Что ж... Вдали от тех раздолб
Ты не сдайся, не спасуй.
Нарисуй мне чисто поле,
Чистый воздух нарисуй.

Подари мне свой рисунок,
Свой рисунок голубой,
Я поставлю твой рисунок
На столе перед собой.

Будет низкий зимний сумрак
Лхнуть к застывшему окну.
Я взгляну на твой рисунок —
Будто в детство загляну.

* * *

Если станет когда-нибудь туго
Кочевать, башмаками пыля,
Я куплю себе верного друга
Вместе с блохами за три рубля.

Будет он неказист, непородист,
Знатоки не замрут перед ним,
Лопоухий и добрый уродец,
Подзаборных кровей «дворянин».

И во имя соседства и братства, —
Я сумею, мне все по плечу, —
Научу я его улыбаться,
А кусаться его отучу. •

Только вдруг
В человеческом мире
Заблудившись, как пьяный в лесу,

Пес начнет улыбаться
Громиле,
Станет руки лизать
Подлецу?

Мне об этом не думалось, каюсь.
Я совсем позабыл, виноват,
Что в быту нашем сложном
Покамест
За улыбками зубы стоят.

В мире, полном угроз и трагедий,
Без защиты остаться — беда.
И сердито мне скажут соседи:
— Не годится твой пес никуда!

Что ж, и я не живу без ошибок.
Но соседям отвечу я так:
— Верю в день безоружных улыбок
И смеющихся добрых собак!

ОДА МГНОВЕНИЮ

Не спорь со временем бесстрастным,
Смотри на все издалека.
Есть привкус горечи в прекрасном,
И радость каждая — горька.

Ты полон холодом с краями.
Но вот по тропке луговой
Бежит девчонка — вся сиянье,
Как легкий парус над травой.

И так пред нею, беззаботной,
Светла распахнутая даль,
Что будет радость — мимолетной
И продолжительной — печаль.

Мгновенье, что ты?
Благо?
Иго?

Сон, всем нам снящийся века?
И есть ли что дороже мига,
Блеснувшего издалека?

Во власти вечного волненья
Мы все — теперь об этом речь —
На золотой костер мгновенья
Летим, чтоб крылышки обжечь.

Мгновенье плачет и смеется,
Оно нам в руки не дается.
Кружит зигзагами, негладко,
Чтоб страсть охотничья твоя
Не выдохлась.
Так куропатка
Птенцов спасает от ружья.

Но вот, как сказка об удачах,
О шубах с царского плеча,
Оно в руках твоих горячих
Забилось, крыльями плеща.

Звезда ночных твоих мечтаний —
В руках, под стражей, под замком!

Но тронет сердце холод тайный
Двойным змеиным языком.

И все покажется напрасным,
И ты поймешь наверняка:
Есть привкус горечи в прекрасном,
И радость каждая горька...

И перед тем, как в путь пуститься,
Ты разомкнешь нелегкий круг
И эту трепетную птицу
С улыбкой выпустишь из рук.

МАРИИНСК

Перевянут все цветы,
Перевянут.
Мало осенью тепла,
Мало света.
Этот город —
Как цветок деревянный
На закате
Деревянного лета.

Мастерами он гремел,
Мастерами.
Не сидели мастера
На приколе —
Руки добрые свои
Простирали
От Байкала
До уральских предгорий.

Поднимались мастера
Спозаранок,
Надевали понарядней
Рубахи.
А и дела-то:
Топор да рубанок,
Да янтарные гудящие плахи.

Рассуждали мастера
Неторопко,
Не спешили приниматься за дело.
Чтобы дом — так был он дом,
Не коробка,
Чтоб душа в нем отдыхала и пела.

Ветер волосы пушил,
Веял стружкой
И за Кию улета
Без печали.
Расходились мастера
Друг за дружкой,
Уносили топоры
За плечами.

Завещали мастера
Подмастерьям:
Подружитесь, мол, навек
С кружевами!
И вставал за ними дом,
Словно терем,
Чтобы сказки в терему
Проживали.

Тучи серые брели
В поднебесье,
Уходили мастера,
Умирали.
И вставал над ними город —
Как песня,
Да такая,
Что сердца замирали!

Шли над городом лета
За летами.
В ставни стукались дожди,
Как слепые.
Осыпались кружева,
Облетали,

Горьким прахом становились
И пылью.

Был он славен, Мариинск,
Мастерами,
Славен вязью кружевной настенной.
Уходили мастера,
Умирали,
Но бессмертно мастерство
И нетленно.

Я по родине бродить
Не устану,
Но в душе храню,
Как искорку света,
Этот сказочный цветок
Деревянный
На закате деревянного лета...

* * *

Что такое со мной, что такое...
Или годы стучатся сильней?
Снятся кони мне, снятся мне кони,
Как засну — так увижу коней.

Кони рыжими челками машут,
Ночь росой и хрустом полна.
И кукушка кричит, и маячит
Над конями большая луна.

Я в трамвае грохочущем еду,
Пыль глотаю и гарью дышу,
Я ночную задумчивость эту,
Как травинку, с собою ношу.

В карусели дневной, за делами,
Вспоминать вроде некогда мне,
Что на дальней июльской поляне
Бродит конь по колено в луне.

Но и все же, как спутник в дороге,
Ходит вслед, от меня ни на шаг,
Ощущение смутной тревоги,
Что живу я не там...
И не так...

* * *

Очарование песен старинных —
Вальса, романса.
Тоненький стебель сочувствия скрыт в них,
Гнулся, ломался.

Но не сломался за долгие годы
Снега, ненастья.
Не зашатался, не выпал из моды
Стебель участия.

Очарование музыки старой
В воздухе гулком.
Это я сам пролетаю с гитарой
По переулкам.

Что там вдали — за поляной? за ямой?
Холмик? Могила?
Грушеньки, что ли, напев окаянный —
Чертова сила!

Месяц в реке — словно сабель мерцанье,
Свет этот синий...

И, задохнувшись, лететь с бубенцами
Вниз по долине.

И улететь. И вернуться. И что же?
Что здесь такое!

Эти глаза милосердны до дрожи,
Как на иконе.

И богородицы юной рыданье,
Вставшей из праха —
Очарование музыки давней.
Моцарта. Баха.

Птицы в лесу под листвою неспящей
Заночевали.
Юности — легкой, мгновенной, летящей
Очарованье.

* * *

Человек начинается с «не».

— Не хочу!

— Не буду!

— Не стану!

— Ешьте сами манную кашу!

Человек начинается с «да».

— Да, хочу!

— Да, буду!

— Да, люблю!

— Да, стану!

Человек перешагивает грань,

За которой «Да, стану»

Превращается в «Достану!»

И «Да, буду!»

Незаметно становится «Добуду!»,

И выходит, что человек не начинался...

По-настоящему

Человек начинается с «но».

— Но позвольте!
— Но этого быть не должно!
«Но» — сигнал о работе мысли.
Но счастье не в этом...

И улететь. И лететь. И что же?
Что здесь такое?

Эти глаза милосердия до троих
Как вайхоне.

И богородицы юной рыцаря
Вставшей из праха —

Очарованье музика, алмаза
Моцарта. Баха.

Птицы в лесу под листвою
Заночевали.

Юности —

Очарованье.

«Улететь» —

«Улететь» —

«Улететь» —

«Улететь» —

«Улететь» —

«Улететь» —

«Улететь» —

* * *

Пусть еще не холод,
Но уже не жар.
Пусть уже не молод,
Но еще не стар.

Возраст мой, короче,
Осени сродни:
Всё длиннее ночи,
Всё короче дни.

Не за морем где-то —
Здесь, внутри, в груди
Отпевают лето
Долгие дожди.

А давно ль, давно ли
Взбрыкивал как мог
На июньском поле
Юный стригунок!

Шелест прежней дрожи
Стихнул, унялся.
Чувства стали строже,
Пристальной — глаза.

А закат в полуде,
А кругом дожди...
Не спешите, люди,
Юность, не суди!

Не в моей ли власти
И не мне ль с руки
Извлекать вам счастье
Из ручья тоски!

Пусть в конце дороги
Ноша нелегка,
Подводить итоги
Подожду пока.

* * *

Случилось ли что-то?
А может быть,
Кажется мне?
Чужие трагедии
Крыльями машут в окне.

Где легкая дымка
Клубится,
Ненастьем на завтра грозя —
Они возникают,
Угрюмые птицы,
Больные глаза.

Забудусь под вечер.
Устану.
Уставлюсь во мглу...
Они, как летучие мыши,
Свисают в углу.

Я выйду из дому,
Пройдусь под неясной луной.
Чужие трагедии
Стаей
Висят надо мной.

Друзей позову!
Стану ждать их в закатном огне.
Чужие трагедии
В двери
Стучатся ко мне...

И вдруг я пойму,
Что за кругом привычных границ
Уже не прожить мне
Без этих медлительных птиц.

Не плачут,
Не стонут,
Не просят участия они,
Осеннему снегу
И сумеркам ранним
Сродни.

Не встать,
Не сбежать от них,
Прядку откинув со лба...
Чужие трагедии —
Песня моя и судьба.

К ВОПРОСУ О ХОРОВОМ ПЕНИИ

Медведь ли наступил на ухо,
Иль просто так, не суждено,
Но с тем, что не имею слуха,
Успел смириться я давно.

А было время, в школьном хоре,
Где все мы, радуясь, кричим,
Мой слабый голос — капля в море —
Был от других неотличим.

Как я, должно быть, врал!
К тому же,
Всеобщим пением оглушен,
Я думал, что пою не хуже
Того, кто слуха не лишен.

И в праздничный какой-то вечер
В пример другим я даже был
Похвальной грамотой отмечен
За прилежание и пыл.

Потом, в кругу армейском тесном,
Уже не смея вторить песням,
Чтоб не позорить запевал —
Я рот беззвучно разевал.

Мы шли, взметая пыль ногами,
В тяжелом слаженном строю,
И командиры полагали,
Что я не хуже всех пою.

Пусть в хоре фальшь не различима,
Пусть он и строен, и велик, —
Я с той поры не без причины
Не доверять ему привык.

Я знаю, тут раздолье спорам,
Любой возможен поворот.
Народ умеет петь.
Но с хором
Не надо сравнивать народ.

Ведь в хоре, как его ни слушай,
Едва ли различишь на вид,
Кто в песню вкладывает душу,
А кто губами шевелит.

ПЕСЕНКА ПРО ВЕЛИКОГО НЕУДАЧНИКА

В окруженье пригородов мрачных,
Где ночами свист и непокой,
Он проходит, вечный неудачник,
Со своею вечною тоской.

Он давным-давно живет на свете,
Громко чертыхается во мгле,
И не первое тысячелетье
Бродит он, горя, по земле.

Что он ищет в мокром полумраке,
Одинок в деревне, как в лесу?
Громче лают на него собаки,
Чаще ветки хлещут по лицу.

Женщины давно его не любят,
Да и не любили никогда.
Ливень злится.

Дождь по крышам лупит.
Редко-редко выглядывает звезда.

Смех и солнце блещут где-то рядом,
В теплой речке сонный пароход...
Он идет под ливнем и под градом,
Горемыка, нищий, донкихот.

В жизни всё — на доли и на части.
Догадаться можно без труда:
Если на тебя свалилось счастье —
Значит, рядом прячется беда.

Так что вам, что счастливы и юны,
Знать не мешает наперёд:
По другую сторону фортуны
Ходит ваш угрюмый антипод.

...Подойду, о жизни посудачу
При закатных скомканных лучах.
Может быть, и нашу неудачу
Он унес на сторбленных плечах.

* * *

Неприятностей много,
И нету конца им!
Так и сыплются.
Хоть бы вздохнуть полчас.
Видно, все-таки, зря
Мы судьбу отрицаем.
Что поделать —
Такая пошла полоса.

Я газетчик.
Знакомы мне шуточки эти.
Не случайно совсем
Их придумала жизнь:
Как пойдет
Полоса опечаток в газете —
Только охай, корректор,
И богу молись.

Ты заметишь одну,
Так пропустишь другую.
В результате и тошно,
И людям смешно.
Вот и я:
И мечусь, и смеюсь, и тоскую,
А просвета меж туч
Не найду все равно.

Неприятностей много.
Но все их предвидел.
Есть внезапные,
Есть затяжные дожди.
Между прочим,
Хорошего друга обидел.
Не со зла.
Но прощенья скоро не жди.

Неприятностей много.
Ну прямо до черта!
И какой бы там жесткий
Ни вел ты им счет,
Но отсутствие денег
Не сбросить со счета:

Хоть оно поправимо,
А все же печет...

Отпуск лопнул.
Конечно, могло быть и хуже.
Вот вернется начальство
И примется грызть.
Что-то стали нервишки сдавать.
И к тому же
У одних моих близких
Расклеилась жизнь.

Я, конечно, не верю
Давно в чертовщину.
Я, конечно же, знаю:
Все это не так.
Неприятностей тьма.
Но меня, как мужчину,
Одолеть и сломать
Далеко не пустяк.

Знаю: выглянет солнце
И скроются тучи.

Звонкий ветер удачи
Прогонит печаль.
Мы еще повоюем!
Чем хуже — тем лучше.
Жаль, что друга обидел.
Действительно жаль...

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

То она смеется гулко,
То лепечет как сквозь сон,
Музыкальная шкатулка
Незапамятных времен.

И в ее старинной дверке,
Полной сказок и чудес,
Городок из табакерки
Будто только что исчез.

Все бывшее, дорогое
Стиснет холодом виски —
Столько спрятано в ней горя,
Столько счастья и тоски!

Под нее кружились лихо*
В дни неслыханных торжеств,
Только вспыхивали тихо
В вальсах личики невест.

А теперь она потухла,
Потеряла прежний тон,
Музыкальная шкатулка
Незапамятных времен.

Но мне кажется:
Ночами,
Между часом и тремя,
Все надежды и печали
Воскресают в ней, шумя.

Песен время не скосило,
И звучат исподтишка
Тихий голос клавесина
С нежной жалобой рожка.

Вновь она роняет гулко
Золотой и странный звон —
Музыкальная шкатулка
Незапамятных времен...

ГОРОДУ, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

Годы мчатся по своим законам,
Раскидав нас всех кого куда...
Мне сказал художник, мой знакомый:
— Разве здесь, в Сибири, города!..

Поживешь — и делаешься болен,
Схвачен безутешною тоской.
Ни тебе церквей, ни колоколен,
Ни архитектуры никакой.

Не на чем остановиться глазу...
До чего ж, мол, Новгород красив!
И уехал,
Навсегда и сразу
Город мой нескладный разлюбив.

Посмотрю спокойно вслед составу,
Что унес его через страну.

Ничего доказывать не стану.
И ни в чем его не упрекну.

Приказать никто ему не вправе:
— Тут живи или езжай туда!
Я и сам видал и величавей,
И намного краше города.

Только, видно, так страна хотела,
И никто упрек не бросит в том,
Чтоб у нас вначале было дело,
Красота приложится потом.

И не ради чести или славы, —
Не было возможности иной, —
Шли отсюда тяжкие составы
В Новгород, поломанный войной.

...Сталь варили.
Уголь извлекали.
И — такие выдались года —
Города не строили веками —
За год возникали города.

Красота сегодня в нашем плане.
Верные и долгу, и мечте,
Через годы, полные делами,
Мы пришли к нелегкой красоте.

Пусть дороги многих вдаль умчали,
Мне по сердцу край моих отцов.
И стоит за нашими плечами
Гордость коренных сибиряков!

Выбирать и нынче каждый волен,
Тут уж как понравится кому.
Правда, ни церковей, ни колоколен
Возводить нам вроде ни к чему.

Трогаю молоденькие липы,
Юную, пушистую листву,
И негромко говорю: — Спасибо! —
Городу, в котором я живу.

♦

* * *

К нам города чужие строги
И очень замкнуты в себе...

Б. Ахмадулина. Стихи о Кемерове.

Проспекты.

Здания.

Дороги.

Машины грузные пылят.

Приезжаем

мой город строгим

Покажется на первый взгляд.

Что ж, город мой слезам не верит.

Он, щурясь пристально с вершин,

Все — в том числе и слезы — мерит

На свой особенный аршин.

В дожде, нечаянном и слабом,

Спускаясь вечером к реке,

Увидел я его прорабом

В брезентовом дождевике.

Но в то же время, между прочим,
Отлично зная, что почем,
Он был студентом и рабочим,
Шахтером, химиком, врачом.

Он таял в облачной завесе,
Он был весной пронизан весь...
Не перечать его профессий
И должностей не перечать.

Но поглядите:
Неустанно,
В картину города вросли,
Повсюду кланяются краны —
Его стальные журавли.

Ему как будто тесно стало.
И, воздвигая этажи,
Шагнули новые кварталы
За городские рубежи.

Растет мой город!
Нынче это,
Пускай открытий здесь и нет,

Его важнейшая примета,
Важнее всех иных примет.

Вот почему в тумане слабом
На легком вешнем ветерке
Он показался мне
Прорабом
В брезентовом дождевике.

ВЕСЫ

Весы — популярнейший из приборов.
Надежны, просты в обращение, легки.
Но есть у них тайный неведомый норов,
И холод мне стискивает виски.

Конечно, есть люди прямей и бесстрашней,
Смешным им покажется детский мой страх,
Что мы на весах — постоянно, всегдашне,
Всю жизнь на весах.
Каждый миг на весах.

Ну что мне весы? И к чему эти страсти?
И много ли проку в бессонных ночах?
Поймите, совсем ненадежное счастье
Жить, мучиться, петь и любить на весах!

Прибор как прибор. Не солжет, не обманет.
Но, кажется, в страхе планета сама:

Не знает, сердешная, что перетянет:
Любовь или ненависть.
Свет или тьма.

Качаются чаши, ища равновесья.
И тем еще эти весы мне страшны,
Что боль, и мечта, и неспетая песня —
Заранее взвешены и решены...

МОЛОДЕЖЬ

Вздохнешь — и руками, грустя, разведешь:
— Какая плохая пошла молодежь!
Куда ни поедешь, куда ни пойдешь,
В соседней квартире и в поезде дальнем:
— Какая плохая пошла молодежь! —
И вслед молодым поглядят с состраданием.

Я тоже от сверстников не отстаю,
Твержу я, что нравы испортились ныне,
И вроде бы песни иные пою,
И вроде бы книжки читаю иные.

Но все же, но все же простите, друзья!
Я знаю, что шутки со временем плохи.
Уходит послушная память моя
В далекие страны, в былые эпохи.

Вот Трою качает жестокая дрожь.
Но держится Троя в бою многодневном.
— Какая плохая пошла молодежь! —
И бороду в ярости рвет Агамемнон.

Вот римский сенат начинает галдеж:
— Какая плохая пошла молодежь!

Не верю я старости, скорой на суд.
Так было всегда и повсюду на свете.
— Какая... — Монтекки негромко вздохнут,
— Плохая, — подхватят в момент Капулетти.

В раздумье, не зная, где правда, где ложь,
Я улицей шел, потихоньку вздыхая,
И думал о том, что пошла молодежь,
Как выше уже говорилось, плохая.

Но в этот момент мне подумалось все ж.
Что в общем-то зря мы на молодость ропщем.
Ведь если все время плоха молодежь,
Откуда же взрослым-то взяться хорошим?

У юности, видимо, в том и вина,
Что, действуя смело и глядя лучисто,

Ошибки свои совершает она,
На наших ошибках не хочет учиться!

И грусть мягкой лапой за сердце берет
О том, что мы так мимолетны на свете.
Но вряд ли история шла бы вперед,
Коль не были б зорче родителей дети.

И все же руками порой разведешь:
— Какая плохая пошла молодежь!

ЖИЛ ХУДОЖНИК СРЕДИ НАС

Памяти новосибирского художника
Константина Черных

Жил художник среди нас.
Мастер был умелый.
Бедно жил, но не тужил,
Сидя на мели.
Тонкой кисточкой чертил
По бумаге белой,
И причудливые сны
С кисточки текли.

Из латунного листа
Высекал он маски.
Их раздаривал друзьям.
Только присмотришь —
В каждой маске золотой,
Как в старинной сказке,
Было что-то от цариц,
А что-то от актрис.

Он девчонкам целовал,
Как принцессам, ручки,
Он при виде красоты
Прямо обмирал.
Вдруг возникнув посреди
Дружеской пирушки,
Он кричал:
— Конкистадоры! Кто ваш адмирал?

Говорили мы: — Чудак...
И смеялись часто.
Дескать, вот еще один
Новый Дон-Кихот...
Но захватывало дух
Ощущенье счастья,
Будто бил высокий свет
Из его работ.

Витязи шагали в бой,
Не страшась засады. •
Лебедь в воздухе плыла,
Не сронив пера.
На излуках синих рек
Высились посадки,

Где в любые времена
Жили мастера.

Нас кружил водоворот
Дел, забот, событий.
Мы, признаться, не всегда
Помнили о нем.
Упрекал он:
— Милый друг!
Что ж вы не звоните?
Будьте гостем у меня
Ночью или днем!

Далеко к нему шагать,
Проще извиниться.
Мол, конечно, забегу. Занят...
А сейчас
Я и рад бы позвонить,
Да не дозвониться,
Рад зайти на огонек —
Огонек погас.

Но горят в его стране,
Не сгорают краски.

В них он сам, его душа,
Только присмотрись.
И глядят со стен друзей
Золотые маски
Взглядом, может быть, цариц,
А может быть, актрис.

ОТВЕТ АНОНИМУ

Очень трудно спорить с анонимкой —
Все равно что драться с невидимкой.
Даже если сердце, слово, дело
Будут незапятнанно чисты —
Просвистят отравленные стрелы
Выпущенной тайно клеветы,
И тогда не жги себя, не мучай!
Был и у меня подобный случай.
Всем друзьям-знакомым было ясно:
Это ж просто бред и канитель!
Я и сам сначала рассмеялся,
А потом внезапно слег в постель.
Знал ведь, знал, что смысла в этом нет!
Выздоровел.
Выбрался на свет.
Все давно об этом позабыли.
Но при встречах часто у меня

Возникало:

— Милый, уж не ты ли?! —

И ходил я, голову клоня.

Справился и с этой, самой злой,

Самой беспощадною стрелой.

Все пошло как было. Даже лучше.

Ни обиды нету, ни тоски.

Но уж раз я помню этот случай,

Пусть запомнят все клеветники.

Где ты бродишь, недруг мой случайный?

Ты решил, что все осталось тайной?

Нет!

Ломая душу в человеке,

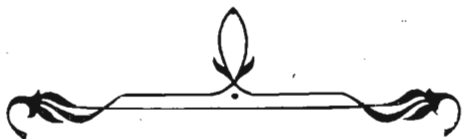
Утверждая собственную власть,

Подлость поселяется навеки

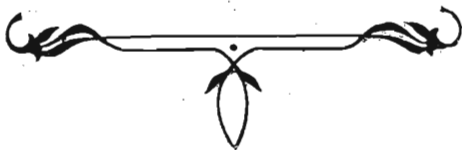
В той душе, в которой родилась!

Знаю, что судьба твоя — не мед.

Берегись, она тебя убьет!

ХОЛОДОК СМЯТЕНЬЯ
И ВОСХОДЯ

ВОСПОМИНАНИЕ

Село на трех дорогах.
Там, прихвастнуть не грех,
Я знаю все про многих
И многое про всех.

Там, прислонясь к частушке,
Бесстыж и в меру пьян,
У старенькой церквушки
Похаживал баян.

Но вы его не троньте,
Не вздумайте дерзить:
Он мог и чардаш Монти
В момент изобразить.

Я много лет там прожил.
Там так меня тревожил

Девичий голосок,
Негромок и высок.

Там Катенька Смирнова
Любила одного,
А вышла за другого...
Но это ничего.

СТИХИ О НАТАШЕ РОСТОВОЙ

Ах, Наташа Ростова, Наташа Ростова!
До чего ты мне нравилась,
Честное слово!
Я влюбленным в тебя приходил на уроки,
Я бродил как Болконский — печальный и строгий.
И друзья меня спрашивали некрасиво:
— Что за муха, приятель, тебя укусила?
Я надменно молчал.
Ведь они не видали,
Как под вечер, у кленов одних на виду,
Задыхаясь, бежала ко мне на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду!
Как цвели ее темные в сумерках ленты,
Как она говорила, картавя слегка:
— Вот покрепче себя обхвачу под коленки.
И — держи! — улечу от тебя в облака!
Не шутя говорила она.
Не нарочно.

Потому что была она, как лепесток.
И, пугаясь, придерживал я осторожно
Невесомый, точеный ее локоток.

...Улетела Наташа.

Куда же?

Туда же,

Куда все, повзрослев, улетают наташи,
Оставляя на память нам школьные ленты,
Поселяя в нас память о солнечном лете,
Подарив нам печаль, от которой не спится
И которой в стихи суждено превратиться.
Все стареет:

и рощи,
и вальсы,
и шутки...

Напиши мне, пожалуйста, не утай,
Где теперь опадают твои парашюты?
Где теперь догорают ромашки твои?

Здесь по-прежнему сумерки бредят цветами,
И под теми же кленами,
Не на виду,
Задыхаясь, к кому-то бежит на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду.

* * *

Ты теперь от меня далеко-далеко,
Где-то в прошлом, в январской простуженной
вьюге.

Пляшет снег, и ресницы взлетают легко,
И касаются рук моих тонкие руки.

В прошлом все еще ярко сверкают огни,
Звонко песни на вечере праздничном льются.
Оттого-то мне эти и дороги дни,
Что они никогда, никогда не вернутся.

Если видишь, что часто гляжу я с тоской,
Не тревожься, ведь сразу не сдержишь разбега...
Ты теперь от меня далеко-далеко,
Где-то там, в тихой пляске вечернего снега.

* * *

Пароход трубит, как добрый слон.
Пароходу через год на слом.
Старомодный, словно Дон-Кихот,
Пароход — ворчун и тихоход.

А в каюте, лучшей из кают,
Двое не смеются, не поют,
Ни словечка не шепнут друг другу...
Но о чем их руки говорят?
Нежность — электрический разряд —
Из руки проскакивает в руку.

Ночь стоит в распахнутом окне.
Окуни мерцают в глубине.
Ветер, медом веющий, пронесся.
И по звездам глухо, как во сне,
Шлепают усталые колеса.

А потом к реке пришла тайга
И глядит, угрюма и строга,
На косые гребни волн черненьх.
В лица нам бросают берега
Шепот задохнувшихся черемух.

Тише, тише, ветер!
Не труби!
Дремлет город Камень-на-Оби.
Круглая луна плывет с востока.
В горле — от луны и от любви —
Холодок смятенья и восторга...

* * *

Неудачный выдался денек:
Он с утра, как проклятый, промок.

Тучи шли, шатаясь, как гуляки,
Мокрый полдень прятал в них лицо.
Помиравшись, кошки и собаки
Дружно заползали под крыльцо.

Частый град ударил по цветам,
По озябшим, вымокшим, последним,
А в кустах разбойничком свистал
Ветер, полный холодом осенним.

И трава, устав от этих бед,
Лепетала, — кто ее осудит?
— Нынче солнца не было и нет.
И, должно быть, никогда не будет!

Только вдруг, часа примерно в три,
Не поймешь, по правде или в шутку,
Выглянуло солнце — ты смотри! —
Растолкало тучи на минутку.

Выпрямились, ожили леса.
Небывалый праздник начался!
Временем располагая скудным,
Весь он был рассчитан по секундам.

Но зато как вспыхнула трава,
Как убор деревьев стал наряден!
Бриллианты капель или градин
Исчезали, просверкав едва.

На листе, пробитой солнцем вкось,
Серьги драгоценные висели.
Полторы минуты шло веселье,
А потом все снова началось:
Хлынул дождь, свою устроив злость,
Влажный ветер хлеще стал и злее.
И за солнце — скрылся ясный гость! —
Не торгуясь уплатить пришлось...

Что такое полторы минуты?
Но уже не хныкала трава,

КАЧЕЛИ

Считая годы за плечами,
Дорогам подводя черту,
Я вспомню все твои печали
И все обиды перечту.

Полночные мои дебоши,
Бессонниц долгие часы.
Боюсь, что слишком тяжелой ношей
Все это ляжет на весы.

Как в обличительную книгу,
Вгляжусь я в память в поздний час.
...Но тут осенний парк под Ригой
Всплывет, колеблясь и лучась.

Каштанов жаркое свечение,
Морской волны неспешный бег.
Летят веселые качели,

Мгновенье — вниз,
Мгновенье — вверх!

Полет — и листьев рябь крапленых,
Полет — и воздуха глоток.
И ты смеешься, как ребенок,
И смех твой звонок и высок.

И всё: и парк сентябрьский ржавый,
И пляж, и моря колдовство —
Все стало солнечной оправой
В тот миг для смеха твоего.

Я накопил долгов до черта,
Расплаты близится пора.
И пусть не нажил ни почета,
Как говорится, ни добра.

Но в час, когда упасть придется,
Я, от людей не пряча взгляд,
Увижу:

женщина смеется,
качели легкие летят...

ТИХАЯ ПЕСЕНКА

Моя любимая грустит,
Не справится с кручиной.
Грустит, покуда не простит —
Ведь я тому причиной.

Грустит и смотрит на зарю,
Похожая на птицу,
А я ей тихо говорю:
— Переверни страницу,
Переверни страницу.

Переверни ее туда,
Где самое начало
И где веселая вода
В себе апрель качала,

И тополей припомни дрожь,
И окон вереницу,

А не поможет — ну так что ж?
Переверни страницу,
Переверни страницу.

И ты увидишь летний день
Сквозь времени завесу
И той багровой тучи тень,
Что нас гнала по лесу.

Глухой кордон, укрывший нас,
И дальнюю зарницу...
И много, много, много раз
Переверни страницу,
Переверни страницу.

Я эту речь к тому веду,
Что долгими ночами
Не то печаль, не то беду
Я чувствую плечами.

И все, что здесь наколеси́л,
Ты вспомни, как таблицу,
Когда тебе не хватит сил
Перевернуть страницу,
Перевернуть страницу.

ПЕРЕВАЛЫ

Воет ветер, с травой воюя,
Грозовую примчав черноту.
Вот и дожили мы до июля,
Перешли незаметно черту.

В размышлениях, шутках и спорах
Все как было. Иного не жди.
Говорят, перевал — это сорок.
Значит, наш перевал позади.

Нам, конечно, невесело это,
Что, царапнув по сердцу углом,
Покатилось веселое лето
Под уклон, под уклон, под уклон...

И — откуда в июле берется
Эта еле заметная дрожь? —
Уронила нам в ноги береза
Свою первую желтую брошь.

Но, печальней и пристальней ставши,
Мы поймем — и сомнений тут нет —
Что любовь не становится старше
Всех своих восемнадцати лет.

Вот опять и легко, и неровно
Простучали ее каблучки,
И хранят за оградой бревна
Теплый след ее быстрой руки.

Тополиную нашу аллею
Я пройду и в окно постучу.
Ни о чем никогда не жалею,
Ничего изменить не хочу.

Было всякое: грозы и луны.
Пел, смеялся, любил, горевал.
Мы по-своему все еще юны —
Значит, он впереди, перевал.

Мы пройдем его, годы есть годы.
Только верь и бестрепетно жди.
Перевалы — отцы непогоды,
Значит, будут снега и дожди.

**Что ж, у жизни крутые замашки,
Но, как встарь, наши души близки,
И не все еще наши ромашки
Сплетены в золотые венки!**

* * *

От музыки негромкой,
От снега за окном
Печаль бочком-сторонкой
Неслышно входит в дом.

Присяду, одинокий,
За краешек стола
И повторяю строки:
«Печаль моя светла»...

И, как любой и всякий
В большой моей стране,
Поверю в полумраке,
Что это — обо мне.

Летит почти без света
В снегу, как под сукном,
Огромная планета
За меркнувшим окном.

А музыка все глуше.
Но в наступившей мгле
Настольной лампы грушу
Не трону на столе.

Уйду к окну ночному —
От снега даль бела.
И все слышней по дому:
«Печаль моя светла»...

И тронет сердце жалость,
Несмелая болезнь.
Ты где-то задержалась,
Ты скоро будешь здесь.

Молчат ночные ветры,
И снег висит как шаль.
Ты и восторг мой светлый,
И светлая печаль.

И я не одинокий,
И ждут меня дела.
Но так прекрасны строки
«Печаль моя светла»!

Неведомой дорогой
Она прокралась в дом
От музыки негромкой,
От снега за окном.

* * *

Бьется, ни на миг не затихая,
Родниковой нежности струя.
Где же ты, царица Навзикая,
Боль моя и молодость моя!

Волны пели весело и гневно,
Водоросли корчились в дугу.
Я три года ждал тебя, царица,
На глухом и диком берегу.

В громе шторма,
В белых клочьях пены,
Где шумел прибой, теряя злость,
Ни одной русалки и сирены
Увидать мне так и не пришлось.

Но зато, внезапно возникая
В звездном фосфорическом огне,

Ты ко мне летела, Навзикая,
Прямо по светящейся волне!

Прикоснувшись музыкой,
Снимала
Смутный груз тревоги и тоски.
Легкий всплеск и облако тумана,
И опять ни звука и ни зги!

Память быть спокойной не заставишь,
Прокатились годы как во сне.
Вот очнусь — а ты опять растаешь
В звездном фосфорическом огне.

Через море снега, из разлуки,
Грусти и тревоги не тая,
Ты ко мне протягиваешь руки,
Боль моя и молодость моя!

* * *

М. Е.

Я помню тебя угловатым подростком,
Смешным, длинноногим и в платье неброском,
Улыбчивой, полной надежд затаенных,
Пугливой и трепетной, как олененок.

Ты «мини» и «макси» еще не носила, —
Что делать, пока не успела, увы! —
Но скрытая женственность мягко сквозила
В плечах, в повороте твоей головы.

И я угадал эту тайную силу,
Предвидел, почувствовал кожей с утра...
Постой-ка, постой-ка, когда это было?
Мне кажется, все это было вчера!

Но время, рисуя тебя, рисковало,
И в краску вгоняло, и злило всерьез, —

И вот уже заново ты возникала
Из грусти и света, улыбок и слез.

Ах, юность, игра, золотые потемки,
Извечно звенит и колдует, слепя.
И не было б сказки о гадком утенке —
Ее написали бы вновь для тебя.

Об этом заранее мне говорило
Правдивей, чем скажут житье да бытие,
Летящее по ветру имя — Марина, —
Морское лукавое имя твое!

* * *

Есть женщины, похожие на пламя,
На чуть заметный язычок свечи.
Они по свету ходят рядом с нами,
Случайным словом их не огорчи.

Прелестные, не отыскать прелестней,
Беспечны и внезапны, как стрижи,
И нежность их, и верность их — как песня,
Где все слова прозрачны и свежи.

В них что-то есть от скорого прощанья.
Как светлый дождь, сквозят они во мгле,
В себе невозмутимо воплощая
Все лучшее, что было на земле.

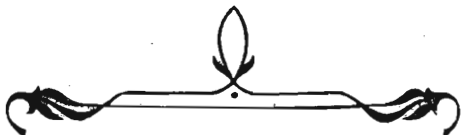
Изменчивы как небо, как погода,
И душу мне догадка обожгла:

Что в них украдкой смотрится природа,
Как в созданные ею зеркала.

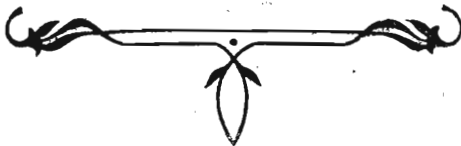
Во многом проницательнее бога,
Доверчивей деревьев и детей...
Такие вот с ума сводили Блока
И уводили пленником в метель.

Я видел их не часто, этих женщин,
Далеких, как в магическом стекле.
Их, может быть, становится все меньше
На нашей слишком занятой земле.

Они мерцают капельками света,
Так непредусмотрительно хрупки...
И я боюсь, что сильный ветер века
Вот-вот погасит эти огоньки.

МУЗЫКА
КАМЕТО ДЕМЕТРА

* * *

Лепечет полуночная струя
В Днестре, Дунае, Припяти и Буге.
Спит армия моя, раскинув руки.
Глубоким сном спит армия моя!

Не медли, бей тревогу, часовой!
Но дремлет он, винтовку обнимая.
Сейчас он, ничего не понимая,
С пробитой покачнется головой.

Спит командир его на Колыме —
Там многие комдивы и комбриги.
И ромбы их — тяжелые улики —
Надежно схоронили их во тьме,

Тяжел их сон.
Непрочно забытье.

О, лучше бы им век не просыпаться!
Им среди живых уже не прописаться,
Солдат уснувших не поднять в ружье.

А над границей голубеет мгла.
Перед рассветом тишина все глуше.
Свисают бомб чудовищные груши
С прорезавшего облако крыла!

А я кричу.
В беспмятстве спешу.
Но глух мой голос, и беспечны парки,
И спят в казармах стриженные парни,
Которых я уже не разбужу.

Вот часовой.
Упал он вниз лицом —
Как будто землю обнял, умирая...
И понимаю я, что это сон,
И пот холодный я со лба стираю.

•

КОНЬ

Как он шел, подлец!
Как он шел!
Как заря по нему стекала!
Бронзовела
 с отливом в шелк
Шея, выгнутая лекалом.

Как сверкала дуга на нем
С бубенцом из веселой стали!
По шоссе проливным дождем
Ноги сильные грохотали.

Неприступный —
Попробуй тронь —
Статью хвастая незнакомо,
Подлетал к сельсовету конь
Представителя из райкома.

Будто глазом кого ища,
Конь дышал и легко, и сыто.
А деревня была нища,
Голодна была и сердита.

С опечалившихся дворов
За бесценок —
За куль ячменной —
Уводил на базар коров
Год тот первый послевоенный.

На подъеме застряв крутом,
Матерясь и едва не плача,
Люто бил водовоз кнутом
Спотыкающуюся клячу.

А у дома, у груды шпал,
Равнодушен к чужой напасти,
В нетерпении танцевал
Гордый конь золотистой масти.

И хозяин, дороге рад,
В ноздри дул ему,
Трогал холку.

И опять мимо наших хат
Конь играючи нес двуколку.

Долго,
Пристально,
Тяжело,
Вплоть до леса за выпасами,
Провожало его село
Непрощающими глазами.

МУЗЫКА НАШЕГО ДЕТСТВА

Хлынет — и некуда деться —
Музыка нашего детства.

Музыка...
Та, от которой
Падали с крыш воробьи.
Над сельсоветской конторой
Пел репродуктор картонный
Хриплые песни свои.

Где-то гармошка тоскует,
Тихо вздыхают меха.
Девушка тоже тоскует,
Юного ждет жениха.

Ночью в тревожном безлунье
Песню ведут голоса:

— Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа...

Напополам со слезами
Воспоминанья летят.
Бросив гармонь, на базаре
Плачет безногий солдат.

Пленные немцы
Картошку
Роят за нашим селом
И под губную гармошку
Плачут о чем-то своем.

Музыка нашего детства,
Вехи пути моего.
Самое лучшее средство,
Чтоб не забыть ничего.

День вспоминаю морозный.
Даль — вспоминаю — светла.
Вещий, торжественный, грозный
Марш расправляет крыла!

Музыка нашего детства,
Долгой и страшной войны!

Ты помогаешь взглядеться
В самое сердце страны.

Смолкли мелодии эти.
Музыка!

Ты не в ответе!
Новые песни нужны.
Музыка!..

Лишь бы на свете
Не было новой войны!

ЯБЛОКО

Липы, каштаны и клены.
Латвия!
Зонтик зеленый.

Повсюду на горизонте
Серебряном, как ручей,
Колеблется этот зонтик
Из зелени и лучей.

Но, бредя страной зеленой,
Так рассказал бы вам

я о ней:

Я Латвию вижу не кленом
не липой,
не ясенем —
яблоней.

В мире, простом и счастливом,
Яблоней, белым наливом.

Яблоко, ты прекрасно,
Ты продолжаешь жизнь.
По моему приказу
Яблочко, покатись!

Замков старинные своды,
Шелест бесчисленных нив.
Через леса, через годы
Катится белый налив.

Пасмурно в Рижском заливе.
Волны тяжелые бьют.
В яблоке, в белом наливе,
Черные годы встают.

Пули, свистящие тонко,
Издавека пронеслись...
Ты на ладошке ребенка,
Яблоко, остановись!..

А шли они под липами косматыми,
Не строем шли — угрюмою гурьбой.
И гнали их солдаты с автоматами,
Не на работу гнали —
На убой.

В домах старинных окна будто умерли.
По хмурым липам дождь прошел и стих.
И прятались в сиреневые сумерки
Прохожие, завидевшие их.

В садах качались красные фонарики,
Полз по стволам и свешивался хмель.
И женщины детей хватали на руки,
Заслышав повелительное:
— Шнелы!

Шли по селу. По саду. По опушке.
Им вслед смотрели жители села.
И кто-то бросил яблоко девчужке,
И та девчушка яблоко взяла.

Теперь их не окликнешь, не догонишь,
Не разглядишь сквозь выстрелы и дым.
И вместе с ними — рыжий несмысленыш,
Любующийся яблоком своим.

Все было ясно: длинная траншея,
И каски, и в цистерне креозот...
А девочка смеется, хорошея,
И яблоко веселое грызет.

Не догрызет!
Так свет внезапный ярок.
Не догрызет...
Так страшен этот стук!
Но яблоко — последний свой подарок —
И падая, не выпустит из рук.

Гляну направо я,
Гляну налево.
Веки сожму на сквозном ветерке.
Вижу: стоит пятилетняя Ева,
Яблоко раненое в руке.

И, с нетерпением дождавшись команды,
Будто с цепей отпустили зверье,
Все пулеметы и все автоматы
Бьют в беззащитное тело ее.

Девочка, много ли ты понимала?
Теплое солнце и добрая мама.

Много ли в жизни ты видела, Ева?
Бегала, пела, смеялась, росла.
Знала ли ты, что ты вырастишь древо —
Древо познания добра и зла?

В море, в простор ослепительно синий,
Облаком снежным летят лепестки.
Ствол наливается доброю силой,
Встав из простреленной детской руки.

Яблоки катятся, падают с неба,
Яблоки светятся над головой...
Ты возвратила подарок нам, Ева.
Ты возвратила подарок с лихвой.

Это сегодня любому знакомо:
Небо тревожно, и грозы близки.
Где-то, как черные зубы дракона,
Новой войны прорастают полки.

Вы, кто расстреляны в Минске, и Бресте,
И в захолустном каком городке,
Это зовет, собирает вас вместе
Девочка с яблоком в тонкой руке!
Это ее голосок невесомый
Нынче летит над землею бессонной.

Встаньте, незрячие! Встаньте, немые!
В памяти нашей как прежде сильны,

Самая славная армия в мире,
Объединенная против войны!
А впереди, в обожженных знаменах,
Там, где беспечно шумят ветерки,
Пусть проплывает над вами ребенок
С яблоней, выросшей из руки!

Липы, каштаны и клены.
Яблонь весеннее платье.
Латвия! Зонтик зеленый!
Латвия!

* * *

От стихов, от бессонниц, от улиц,
От холодных дождей сентября
Ухожу, стариковски сутулясь,
Замыкаюсь в себе и в себя.

Как на поиск целебного средства,
Продираюсь сквозь гомон и чад
К родниковому лепету детства,
Где веселые дятлы стучат.

Там, забыв про душевную смуту,
Я прикинусь щенком молодым.
Там все беды мои — на минуту:
Минут, канут, развеются в дым.

Есть свои там невзгоды и драмы,
И обидчиков тьма на пути,

Но сильнее и ласковой мамы
Никого в той стране не найти!

Светит солнышком каждому детство,
Из немыслимых далей маня.
Только...

— Что ж ты ударился в бегство? —
Спросит совесть моя у меня. —
В ключьях ночи, в обманчивом свете,
В каждой пяди пути твоего
За тебя это время в ответе,
Как в ответе и ты за него!

И назад мои кони примчатся
Сквозь минутных сомнений напасть.
Я пойму, что ни шага, ни часа
Не могу я у времени красть.

И рванется эфир к перепонкам
Трескотней пулеметных рулад.
Как я мог притворяться ребенком
В мире, где не хватает солдат?!

И тогда, побледнев отчего-то,
Перед веком в нелегком долгу,

Я увижу:
Идет моя рота,
Утопая в снегу.
Эта рота не даст мне копаться
В мелкой зыби душевной волны.
В самом ближнем и нужном запасе
Я стою у любимой страны.
В клочьях ночи, в обманчивом свете,
В каждой пяди пути моего
За меня это время в ответе,
Как в ответе и я за него!

ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИТ К ЧЕЛОВЕКУ

Не на суд, не в солнечную Мекку,
Не искать спасенья к алтарю, —
Человек приходит к человеку:
— Дай-ка я с тобой поговорю!

Он молчит,
Он брови тяжело хмурит.
Много курит.
И не балагурит.

И от этого несуетловья,
Следуя законам бытия,
Возникают
Дружбы и любви,
Крепнут
Государство и семья.

Но постойте!
В прошлом что ни века —
Пляшет дым и хижины горят.

Человек стреляет в человека
Вот уж столько долгих лет подряд!

Мир так хрупок!
В мире мира нету!
И заставы вдоль границ сильны.
Изо всей истории планеты
Наскребешь лет двадцать без войны.
Неужели атомным пожарам
Суждено зажечь материки?
Нет!
В народе сказано недаром,
Что глаза у страха велики.

И века недаром промелькнули.
Мы считаем — тем мы и сильны —
Ненормально,
Если свищут пули,
И нормально, если нет войны.

И порукой в том
От века к веку,
Утверждая мирную зарю,
Человек
Приходит к человеку:
— Дай-ка я с тобой поговорю!..

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРЮ, ЗЕМЛЯ, БЛАГОДАРЮ

Быть в ответе	7
Молитва лани	9
«Благодарю, земля, благодарю...»	12
«А все же есть на свете...»	17
«Я и сегодня холодею...»	19
В лесу	22
«Не знаю, к несчастью ли, к счастью...»	24
Лесок	26
Дятел	29
«За стеклянным дождем...»	33
Возраст	35
Разговор с Красным летом	36
«Мы закружились в долгой карусели...»	38
«Потянуло холодом и хворью...»	40
«Бродить по мху в брусничной сказке...»	42
Лось	43
«Легу еще не пора догорать...»	46
«Даль в огне...»	48
«Пролетает ветер, занавески тронув...»	49
«Капли редкие звезд...»	51
Лес в сентябре	53
«Я пораньше встану...»	55

Сумерки	58
Снег в Чите	60
Ночные реки	62

НЕ СЕБЕ ПРИНАДЛЕЖА

«По дорогам и по бездорожью...»	67
«Не знаю, под каким родился знаком...»	68
Призвание	69
Скорая помощь	71
Спор, которого не было	73
«Припоминаю. Ворошу...»	75
Стихи о словах	78
«Что мне делать с никуда не годным...»	85
«Над белой бумагой снова...»	88
«Сказочником, мудрым и веселым...»	90
«Я прочного дома не выстроил...»	92
Честь имею	94
«Ударит ветер, вдоль столетий вея...»	96
Речь	98
«Морозной и лунной ночью...»	99

ЕСТЬ ПРИВКУС ГОРЕЧИ В ПРЕКРАСНОМ

«Не знаю, отчего...»	103
Доброта	105
Песенка об одиноком фонаре	107
«Стал уставать от шумных сборищ...»	109
Цыгане	111
«Люди добрые! Не обессудьте...»	114
«Свет к закату, день к порогу...»	116

Дорога	118
Голубые кони	121
«Если станет когда-нибудь туго...»	124
Ода мгновению	126
Мариинск	129
«Что такое со мной, что такое...»	133
«Очарование песен старинных...»	135
«Человек начинается с «не»...»	137
«Пусть еще не холод...»	139
«Случилось что-то...»	141
К вопросу о хоровом пении	144
Песенка про великого неудачника	146
«Неприятностей много...»	148
Музыкальная шкатулка	152
Городу, в котором я живу	154
«Проспекты. Здания. Дороги...»	157
Весы	160
Молодежь	162
Жил художник среди нас	165
Ответ анониму	169

ХОЛОДОК СМЯТЕНЬЯ И ВОСТОРГА

Воспоминание	173
Стихи о Наташе Ростовской	175
«Ты теперь от меня далеко-далеко...»	177
«Пароход трубит, как добрый слон...»	178
«Неудачный выдался денек...»	180
Качели	183
Тихая песенка	185
Перевалы	187

«От музыки негромкой...»	190
«Бьется, ни на миг не затихая...»	193
«Я помню тебя угловатым подростком...»	195
«Есть женщины, похожие на пламя...»	197

МУЗЫКА НАШЕГО ДЕТСТВА

«Лепечет полуночная струя...»	201
Конь	203
Музыка нашего детства	206
Яблоко	209
«От стихов, от бессонниц, от улиц...»	215
Человек приходит к человеку	218

Игорь Михайлович Киселев

НОЧНЫЕ РЕКИ

С т и х и

ИБ № 425

Редактор Т. Ма х а л о в а

Художник В. К р а в ч у к

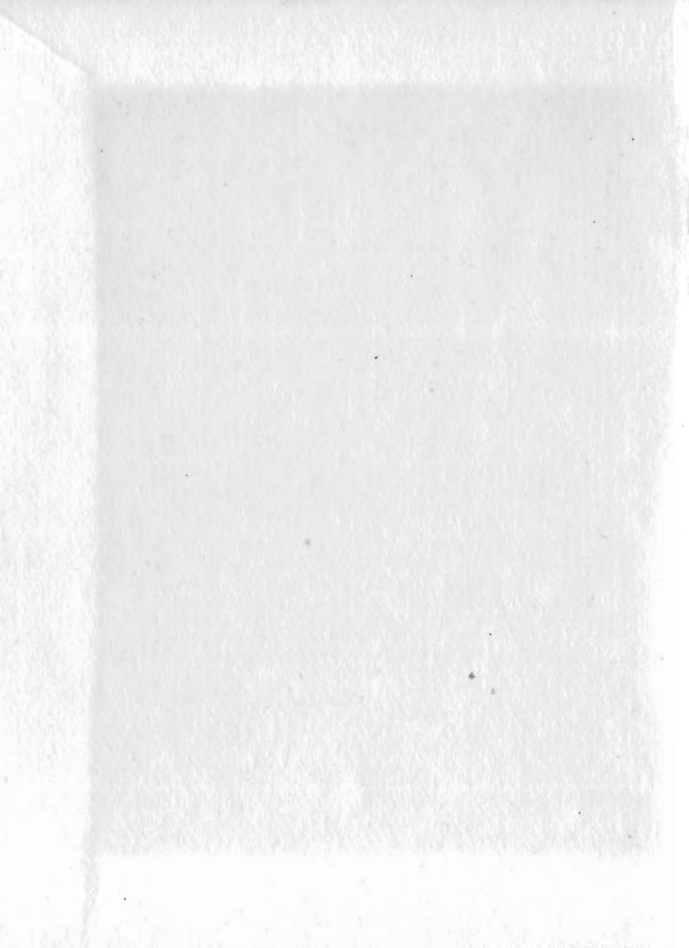
Художественный редактор А. Р о т о в с к и й

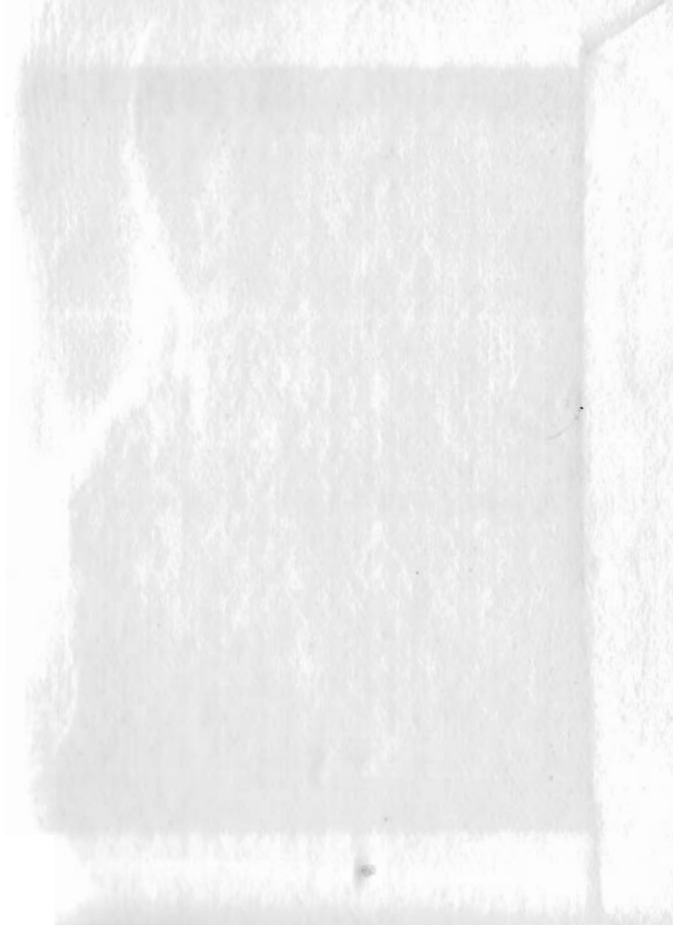
Технический редактор Г. М а н о х и н а

Корректор В. Л у з и н а

Сдано в набор 4.10.1979 г. Подписано к печати
21.02. 1980 г. ОП00003. Формат 84×108¹/₆₄. Бу-
мага типографская № 1. Печать высокая. Гарни-
тура литературная. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л.
5,11. Тираж 5000. Заказ 14853. Цена 80 коп. Ке-
меровское книжное издательство, Кемерово, Ноград-
ская, 5. Полиграфкомбинат, Кемерово, Ноград-
ская, 5

80 коп.